

ПРОТОКОЛ БУНТА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Светлана Иневатова

18+

Светлана Иневатова

Протокол бунта

«Автор»

2026

Иневатова С. А.

Протокол бунта / С. А. Иневатова — «Автор», 2026

После смерти Суры Новый Свет занимает Небесный порядок, а Деметра и Денис становятся одновременно государственными преступниками и символами чужой революции. Одни хотят их поймать, другие — превратить в знамя. И почти никто не спрашивает, чего хотят они сами. Тем временем остаётся главный вопрос: что делать с Арьявартой — существом, способным помочь умирающей Земле, но не обязанным принадлежать человечеству? Поиски ответа ведут героев далеко на север, к древним архивам и тайне происхождения Архангела. Но чем больше они узнают, тем яснее становится: опасность заключается не только в силе, но и в уверенности, что именно ты имеешь право решать за других. «Протокол Бунта» — роман о свободе, власти и праве на собственный выбор. О том, что иногда настоящая победа начинается не тогда, когда ты получаешь силу изменить мир, а когда отказываешься решать за него.

© Иневатова С. А., 2026

© Автор, 2026

Светлана Иневатова

Протокол бунта

Глава I

Пробуждение

Проснулась я от удара.

Потом ещё одного.

На третьем решила, что кто-то пытается расколоть мне голову. На четвертом поняла, что звук идёт снаружи. Уже неплохо.

Я открыла глаза. Потолок. Деревянный. Низкий. С тёмным пятном возле балки и тонкой паутиной в углу. Несколько секунд я смотрела на него совершенно спокойно. Потом вспомнила, что последний потолок, который видела, был бетонным. Нет. Не последний. До этого было небо. Мотоцикл. Дорога.

Джинох.

Я резко села. Мир тут же решил, что этого уровня самостоятельности мне пока достаточно. Комната качнулась влево. Печь зачем-то поехала вправо. Я схватилась за край кровати и закрыла глаза.

— Отлично.

Собственный голос прозвучал чужим. Хриплым и слишком тихим. Посидела. Подождала. Открыла глаза снова. Печь вернулась на место. Уже достижение. Комната была маленькой. Кроме кровати — стол, два стула, печь, несколько полок. На них банки, связки трав, какая-то посуда, коробки. На стене висела старая куртка. Моя лежала аккуратно сложенная на стуле. Никаких решёток. Никакой охраны. Никакого запаха лаборатории. Я провела рукой по лицу. Пальцы дрожали. Странно. Опустила взгляд на руки. Чистые. Никакой крови. Кожа целая. Я согнула пальцы. Потом руки. Проверила плечи. Рёбра. Колени. Ничего. Тело чувствовало себя так, словно я несколько дней провалялась с тяжёлой инфекцией, но ничего серьёзнее не происходило. Слабость, ватные мышцы, неприятная тяжесть в голове. После Нового Света я ожидала немного большего.

Новое.

Свет.

Свят.

Воспоминание пришло слишком быстро. Я стиснула край одеяла. Не сейчас. Рука сама поднялась к груди. Цепочка. Есть. Я вытащила кулон из-под рубашки. Обычный. Маленький. Совершенно неподходящий предмет для хранения существа, которое существовало ещё тогда, когда человечество не успело даже придумать, как испортить собственную планету.

— Арьяварта?

Ничего. Я подержала кулон в ладони.

— Если ты там решила умереть, я очень обижусь.

Ответа не последовало. Почему-то это успокоило. Молчание от Арьяварты всё-таки было значительно привычнее разговоров. Снаружи снова ударило. Я посмотрела на окно. Точно. Не голова. Кто-то рубил дрова. Отличная новость.

Следующей задачей стало встать. Первую попытку организм отклонил. Во вторую я добралась до вертикального положения и несколько секунд держалась за стену, пока ноги вспоминали свои профессиональные обязанности. Очень странно. Раны у меня заживали быстро. Переломы ещё быстрее. После того, что произошло в Новом Свете, я должна была уже бегать.

Ну хорошо. Не бегать.

Уверенно изображать человека, способного самостоятельно дойти до туалета.

Я сделала шаг. Потом ещё один. На третьем пол оказался подозрительно близко. Пришлось схватиться за стол.

— Так.

Стол не ответил. Очень полезный собеседник. На нём стояла кружка. Вода. Я выпила почти всю сразу и только потом подумала, что неплохо было бы сначала выяснить, кто её поставил и почему я вообще здесь. Поздно. Если меня хотели отравить, убийца проявил поразительное терпение. Дверь открылась. Я дёрнулась и едва не опрокинула кружку. На пороге стоял старик.

Тот самый? Наверное.

Я помнила что-то смутное. Лицо. Руки. Запах дыма. Или это уже мозг услужливо дорисовал после пробуждения. Старик посмотрел на меня. Потом на кровать. Потом опять на меня.

— Встала.

— Наблюдательный.

Он вошёл, положил возле печи несколько поленьев и закрыл дверь. Никаких вопросов. Странно.

— Где я?

— У меня.

Я подождала. Продолжения не случилось.

— Это я уже примерно поняла.

Он снял с крючка небольшую кастрюлю.

— Есть будешь?

— Буду. Но сначала...

— Тогда садись.

Я посмотрела на него. Он поставил кастрюлю на печь.

— Вы всегда так разговариваете? Будто слова платные.

Старик пожал плечами. Кажется, его всё устраивало. Я всё-таки села. Не потому, что он сказал. Просто стул оказался рядом.

— Вы меня нашли?

— Да.

— Где?

— У дороги.

— Давно?

Он снял крышку с кастрюли. Запах был странный, но съедобный. Что-то вроде крупы, корней и мяса. Старик перемешал содержимое.

— Двадцать семь дней.

Мозг услышал. Не понял. Попробовал ещё раз.

— Сколько?

— Двадцать семь.

Я смотрела на него. Он продолжал мешать кашу.

— Дней?!

Старик поднял глаза.

— Обычно их считают днями.

— Я поняла, как считают дни!

Голос сорвался. Я вскочила. На этот раз пол даже не стал делать вид, что намерен сотрудничать.

Колени подогнулись. Я успела схватиться за стол, но кружка всё равно полетела вниз. Старик перехватил её раньше, чем она разбилась. Поставил обратно.

— Сядь.

— Я почти месяц здесь?! Почему вы меня не разбудили?!

— Будил.

Я замолчала.

— Что?

— Воду пила. Ела немного.

— Я не помню.

— Бывает.

— Двадцать семь дней не «бывает»!

Он разлил кашу по двум мискам. Меня вдруг затрясло. Денис. Ирма. Данила. Антон. Новый Свет. Сура мертва. Свят... Нет. Не сейчас.

Двадцать семь дней. За двадцать семь дней можно было дойти до Джиниха пешком. Можно было найти Дениса. Можно было разобраться с Арьявартой. Можно было...

Что?

Я не знала. И от этого стало только хуже.

— Мне нужно идти.

Старик подвинул ко мне миску.

— Поешь.

— Вы не понимаете. Мне нужно в Джиних.

— Значит, поедешь в Джиних.

— Сейчас.

— Нет.

Я подняла голову. Вот. Наконец нормальный конфликт.

— Что значит «нет»?

— Значит, сейчас не поедешь.

— Вы меня удерживать собираетесь?

— Нет.

— Тогда поеду.

— Езжай.

Я открыла рот. Закрыла. Он спокойно ел.

— Вы только что сказали, что я не поеду.

— Сказал.

— А теперь говорите «езжай».

— Да.

Я начала подозревать, что он издевается.

— Вы можете определиться?

Старик указал ложкой на дверь.

— Она не заперта.

Я посмотрела туда. Потом на него. Ненавижу такие разговоры. Особенно когда второй человек даже не понимает, что участвует в споре. Я встала. Медленно. На этот раз мир удержался на месте.

— Хорошо.

Старик продолжал есть.

— Вот прямо сейчас уйду.

Он кивнул.

— Спасибо за помощь.

Ещё кивок.

— И за еду.

— Не ела ещё.

— Неважно.

Я подошла к стулу и взяла куртку. Тяжёлая. Почему куртка вообще может быть тяжёлой? Натянула один рукав. На втором пришлось остановиться и отдышаться. Старик доел. Убрал миску. Я застегнула куртку. Пальцы почему-то плохо слушались. Прекрасно. Организм, способный срastить сломанную кость за считанные минуты, проигрывал застёжке.

Я всё-таки победила.

— Где мотоцикл?

— За домом.

— Он цел?

— Вроде.

— Топливо?

— Немного осталось.

Я направилась к двери. Старик не сказал ни слова. Это почему-то раздражало сильнее, чем если бы он попытался остановить. На улице было холоднее, чем я ожидала. Солнце стояло высоко. Ветер таскал по дороге сухую траву и пыль. За хижинкой начиналась пустошь — ровная, выцветшая, с редкими деревьями, которые выглядели так, будто их тоже когда-то спросили, хотят ли они здесь жить, но ответа не дождались.

Мотоцикл стоял возле стены. Мой. Ну, технически не мой. Но после всего произошедшего вопрос собственности немного потерял актуальность. Я пошла к нему. Старик остался у поленницы. Взял очередное бревно. Удар. Я сделала ещё несколько шагов. Удар. Дошла до мотоцикла. Положила руку на руль. Подождала. Ничего. Хорошо.

Я перекинула ногу через сиденье. И обнаружила интересный факт. Сидеть на неподвижном мотоцикле тоже можно очень неуверенно. Пришлось поставить обе ноги на землю. Пальцы сжались на руле.

Джинох.

Денис.

Двадцать семь дней.

Я повернула ключ. Двигатель кашлянул. Ещё раз. Завёлся. От вибрации неожиданно стало тошнить. Нет. Не неожиданно. Я просто очень хотела, чтобы организм перестал сообщать мне плохие новости. Закрыла глаза. Пять секунд. Десять. Ветер. Двигатель. Стук топора. Я могла поехать.

Наверное.

Километров пять. Может, десять. Потом упасть где-нибудь там, где следующего отшельника уже не окажется. Открыла глаза. Старик рубил дрова. Не смотрел на меня. Сволочь.

Я заглушила двигатель. Он продолжал рубить.

— Довольны?

Удар.

— Нет.

— А выглядите довольным.

— Я дрова рублю.

Я слезла. Ноги сразу сообщили, что решение было правильным. Ещё сильнее его за это возненавидела.

— Вы сказали, что я не готова. У меня всё зажило.

Он посмотрел на меня.

— Вижу.

— Тогда в чём проблема?

Старик воткнул топор в колоду.

— Не знаю.

Вот теперь я окончательно перестала понимать происходящее.

— Вы не знаете? Но уверенно сказали, что я не готова.

— Ты двадцать семь дней спала.

— Я не спала двадцать семь дней.

— Почти.

— Вы сами сказали, что я ела!

— Ела.

— Значит, не спала.

— Потом опять спала.

Я потерла лицо.

— Давайте оставим медицинскую терминологию.

Он вытащил топор.

— Почему я тогда до сих пор такая?

Старик пожал плечами.

— Устала.

— Я быстро восстанавливаюсь. Физически.

Он снова посмотрел. На этот раз чуть дольше.

— Значит, устала не физически.

И ударил по полену. Я замолчала. Вот ведь зараза. Несколько секунд слушала, как трещит дерево.

— Вы хотя бы понимаете, насколько раздражающе это прозвучало?

Он даже не посмотрел на меня. Просто продолжил рубить дрова.

Вернулась в дом. Каша ещё была тёплой. Съела всё.

На следующий день я снова собиралась уйти. Не ушла. На третий тоже. Причины были объективные. Утром поднялся сильный ветер. Потом старик обнаружил, что крепление на мотоцикле разболталось. Потом мне нужно было постирать одежду. Потом я впервые за почти месяц нормально поела и решила, что разумнее дать организму ещё сутки. Потом оказалось, что человеческий мозг способен придумать удивительное количество разумных причин, когда ему очень не хочется признавать одну неразумную.

Я помогала по дому. Сначала старик не просил. Вообще он удивительно мало просил. Просто однажды поставил возле двери ведро.

— Вода закончилась.

Я посмотрела на ведро. Потом на него.

— Колодец там.

Он указал куда-то за дом.

— Вы хотите, чтобы я принесла воду?

— Если хочешь пить.

— А если не хочу?

— Не носи.

Я принесла. Дважды. На третий раз поняла, что мной только что очень успешно манипулировал человек, который, возможно, вообще не знал значения слова «манипуляция».

Потом были корни. Их нужно было перебрать. Я понятия не имела зачем.

— Этот?

— Влево.

— Этот?

— Вправо.

— Они одинаковые.

— Нет.

— Абсолютно одинаковые.

Он посмотрел на меня.

— Тогда клади куда хочешь.

Через минуту я уже пыталась доказать, что они действительно разные. Ужасный человек. Самое странное — он так и не спросил, кто я. Ни в первый день. Ни во второй. Ни после того, как я дважды просыпалась ночью от собственного крика. Первый раз мне снился отец. Он сидел в лаборатории и что-то писал. Я знала, что через минуту войдёт Марина. Пыталась предупредить. Не получилось. Он не слышал.

Во второй раз был Свят. Не тот, которого я увидела в последний момент. Младше. Стоял ко мне спиной и никак не хотел оборачиваться. Я проснулась раньше, чем он успел. Старик сидел возле печи. Я несколько секунд смотрела на него.

— Я кричала?

— Да.

— Сильно?

— Соседи не жаловались.

Я посмотрела на окно. За ним километры пустоши.

— Очень смешно.

Он подобросил полено. Не спросил ничего. Я легла обратно. Через несколько минут сказала:

— У меня брат умер.

Старик не повернулся. Я нахмурилась.

— Обычно люди говорят что-нибудь. Например: «Соболезную». «Мне жаль». «Он бы хотел, чтобы ты жила дальше». Что-нибудь бесполезное.

Старик подумал.

— Жалко брата.

И всё. Никакой попытки сделать его смерть красивой. Никакого «так было нужно». Никакого «он сделал выбор». Просто жалко. Я отвернулась к стене. Почему-то именно от этого пришлось несколько раз глубоко вдохнуть. Утром мы тему не поднимали. Вообще больше не поднимали.

На шестой день после пробуждения я обнаружила пропажу карты. Не знаю, почему вспомнила именно тогда. Искала в куртке складной нож. Нож нашёлся. Карта — нет. Проверила остальные карманы. Ничего.

— Вы из моей куртки что-нибудь брали?

Старик сидел у стола и чинил ремень.

— Карту.

Я замерла.

— Какую карту?

— Игральную. Сжёг.

Я медленно опустила куртку.

— Вы сожгли мою вещь? Зачем?

Он протянул ремень через пряжку.

— Плохая была.

Я смотрела.

— В каком смысле плохая?

— Шестёрка пик.

Несколько секунд в комнате было тихо. Потом я начала смеяться. Сначала просто фыркнула. Потом ещё раз. Старик поднял глаза. Я села на стул. Смех почему-то никак не проходил.

— Просто... один человек сказал мне то же самое.

Старик ждал.

— Плохая дорога.

Он кивнул. Я вытерла глаза.

— И поэтому вы её сожгли?

— Она уже привела.

— Куда?

Старик посмотрел вокруг.

— Сюда.

Я снова рассмеялась. Потом перестала. Карта появилась у дороги в тот день, когда мы с Денисом ехали в Новый Свет. Прилипла к ботинку. Доехала со мной до конца. Культ. Сура. Марина. Отец. Свят. Арьяварта. Новый Свет в огне.

Хороших дорог действительно давно не осталось. Я несколько секунд смотрела на печь.

— А если она была нужна дальше?

Старик пожал плечами.

— Возьми другую.

— Всё у вас просто.

— Карта — кусок бумаги.

— Иногда кусок бумаги что-то значит.

— Тогда бумага ни при чём.

Я открыла рот. Подумала. Закрыла.

— Вы невыносимы.

— Знаю.

Вот теперь я подозрительно посмотрела на него.

— Кто вам сказал?

Он впервые за всё время чуть улыбнулся.

— Не ты первая.

К концу недели я уже могла нормально ходить. Ещё через пару дней перестали дрожать руки. Потом я обнаружила, что снова могу поднять полное ведро телекинезом, не заработав после этого головную боль. Тело восстановилось. По всем моим привычным критериям я была здорова. Мотоцикл тоже был готов. Старик подтянул крепления, прочистил что-то в двигателе и сообщил, что до ближайшего места, где можно раздобыть топливо, мне хватит.

То есть причин оставаться больше не было.

Я осталась.

Ещё на день. Потом ещё. Сначала говорила себе, что хочу набраться сил. Потом — что надо продумать маршрут. Потом — что Арьяварта всё ещё молчит и лучше разобраться с этим до Джиноха.

Хорошая причина. Очень умная. Почти убедительная.

На третий вечер я сидела перед домом и чистила какой-то корень, название которого не запомнила. Солнце садилось медленно. Пустошь становилась тёмно-золотой, потом серой. Старик перебирал сухие травы.

— Я потеряла месяц, — сказала я.

Он не ответил.

— Обычно после таких слов люди что-нибудь говорят.

— Ты часто знаешь, что обычно должны делать люди.

— Мне приходилось с ними общаться.

Он отложил траву.

— Месяц прошёл.

— Именно.

— Он и без тебя прошёл бы.

Я перестала чистить корень.

— Очень утешительно.

— Я не утешал.

Провела ножом по коже. Сняла слишком много. Старик забрал корень.

— Портишь.

— Простите, что сегодня я недостаточно хорошо справляюсь ещё и с овощами.

— Это не овощ.

— Тем более.

Он взял другой. Показал, как снимать тонкий слой. Я повторила. Получилось хуже.

— Там люди, — сказала я.

Старик молчал.

— Мне нужно было найти их почти месяц назад.

Он передал следующий корень.

— Найдёшь позже.

— А если поздно?

— Тогда поздно.

Я резко посмотрела.

— И всё?

— А что ещё?

— Не знаю! - Голос прозвучал громче, чем хотелось. Я бросила нож рядом. — В этом и проблема! Я ничего не знаю. Что там произошло. Кто жив. Кто нет. Что они сделали. Что случилось с...

Остановилась. Арьяварта висела на груди. Старик туда даже не посмотрел.

— Я должна была быть там.

— Но была здесь.

— Потому что не могла встать!

— Да.

— А теперь могу.

Он кивнул.

— Можешь.

— И всё ещё здесь.

— Да.

Я стиснула зубы.

— Почему?

— Не знаю.

— Вы вообще что-нибудь знаете?

Старик посмотрел на очищенный корень.

— Этот готов.

Я уронила лицо в ладони и застонала.

— Невероятно.

Он положил корень в миску.

— Ты спрашиваешь меня, почему ты не уходишь.

— Да.

— Откуда мне знать?

Я убрала руки. Он действительно не понимал. Не притворялся. Не пытался заставить меня самой прийти к великому ответу. Просто не знал. И почему-то именно поэтому ответ наконец появился. Я могла уехать. Не вчера. Не три дня назад. Но сегодня — могла. Утром могла. После обеда. Час назад. Мотоцикл стоял за домом. Дорога была свободна. Ноги держали. Голова не кружилась. Тело восстановилось. Старик больше не говорил, что я не готова. Это я продолжала говорить за него.

Потому что...

Чёрт.

Я посмотрела на пустошь.

— Я просто не хочу.

Он перебирал травы.

— Бывает.

Я вдруг разозлилась. Не на него. Это было хуже.

— Мне нужно к ним. Я хочу знать, что с Денисом. С Ирмой. Данилой. Антоном. Я хочу...

Голос стал тише.

— Я действительно хочу.

— Тогда поедешь.

— Но не сегодня.

Старик кивнул. И это было всё. Я некоторое время смотрела на него.

— Вы даже не спросите почему?

— Нет.

— Почему?!

Он задумался.

— Не моё.

Я рассмеялась. Коротко. Устало.

— Знаете, вокруг меня в последнее время было удивительно много людей, которые не разделяли эту точку зрения.

Он пожал плечами. Я откинулась спиной на стену дома. Впервые сказала это хотя бы себе нормально. Я не оставалась потому, что была слишком слаба. Не потому, что дорога опасна. Не потому, что мне требовался ещё один день восстановления. Я просто хотела хотя бы немного никуда не идти. Не спасать. Не искать. Не разбираться, кто соврал, кто предал, кто оказался родственником, кто космической формой жизни, кто решил исправить человечество без его согласия. Не выбирать судьбу мира. Не решать судьбу Арьяварты. Не думать, что скажу Денису. Не вспоминать Свята. Просто проснуться утром и знать, что самая серьёзная проблема на сегодня — вода в колодце и корень, который я опять чищу неправильно.

Мне понадобился почти месяц сна и ещё несколько дней бодрствования, чтобы понять очевидное.

Я устала.

Не «мне тяжело». Не «нужно собраться». Не «ещё немного». Устала. До самого дна. И впервые в жизни позволила себе не спорить с этим.

Мы сидели молча. Темнело. Где-то далеко кричала птица. Или шушера. После последних недель я не собиралась проверять.

— Завтра уеду, — сказала я.

Старик поднялся.

— Хорошо.

— И всё? Вы не скажете, что я ещё не готова?

Он взял миску с очищенными корнями.

— Нет.

— Почему?

Старик посмотрел на меня. Потом на почти пустое ведро возле двери.

— Потому что завтра — будет завтра.

И пошёл в дом. Я несколько секунд сидела одна.

— Вы специально это делаете?!

Изнутри донеслось:

— Воду принеси.

Я посмотрела на ведро. Потом на тёмную дорогу. Завтра я снова пойду по ней. Сегодня нужно было принести воду.

Глава II

Не примирившись

Утро оказалось слишком хорошим.

Это сразу насторожило.

Никакого ветра. Никакой пыли, летящей в лицо. Небо чистое, солнце только поднялось и ещё не успело превратить пустошь в огромную сковороду. Даже какая-то мелкая птица сидела на крыше и совершенно безответственно делала вид, что мир никогда не заканчивался. Я лежала и смотрела в потолок. Сегодня.

Вчера это слово казалось удобным. Завтра уеду. Очень хорошая формулировка. В ней есть решение, направление и главное — целые сутки между тобой и необходимостью что-нибудь делать. Проблема с завтра в том, что оно иногда действительно наступает.

Я повернула голову. Куртка висела у двери. Рюкзак собран. Мотоцикл за домом. Старик ещё вечером сунул туда несколько свёртков с едой, не спросив, хочу ли я их брать. Я, в свою очередь, не стала объяснять, что совершенно способна сама собрать себе припасы.

Наши отношения за последние дни достигли очень высокого уровня взаимного уважения. Мы научились не обсуждать очевидное.

Я села. Голова не закружилась. Проверила руки. Не дрожат. Ноги тоже наконец перестали вести отдельную политическую деятельность. Организм полностью восстановился. Предатель. Я оделась и вышла. Старика в доме не было. На столе стояла миска с чем-то горячим. Я посмотрела на дверь. Потом на миску.

— Это шантаж.

Никто не ответил. Я села и поела. Уезжать голодной было бы глупо. А я за последние недели и так значительно превысила личную норму глупых решений. Потом вымыла миску. Поправила одеяло на кровати. Зачем-то ещё раз проверила рюкзак. Потом второй. На третий раз нашла там всё те же вещи и была вынуждена признать, что новые чудесным образом не появятся. Старик всё ещё не возвращался. Прекрасно. Можно просто уехать. Наверное, именно этого он и ожидал. Или не ожидал. С ним вообще было сложно понять, чего он ожидал от людей. Кажется, в основном чтобы они закрывали за собой дверь и не портили корни.

Я вышла во двор. Мотоцикл стоял там же. Я обошла его, проверила крепления. Старик действительно что-то подтянул. Даже цепь выглядела лучше, чем несколько дней назад.

— Спасибо, — сказала я мотоциклу.

Он принял благодарность значительно достойнее некоторых людей. Хотела уже выкатить его к дороге, когда заметила ведро возле задней стены. Пустое. Вчера я оставляла его у колодца.

Наверное. Или нет.

За последние дни моя жизнь стала настолько насыщенной, что местоположение ведра действительно входило в список вещей, о которых я периодически размышляла. Я подхватила его и обошла дом. Не потому, что собиралась ещё раз за водой. Просто решила поставить на место.

Очень важное дело перед дорогой в Джинох.

Колодец находился метрах в тридцати за домом. Чуть дальше начиналась неровная полоса земли, где старик выращивал что-то, что при большом желании можно было назвать огородом.

Вот там я их и увидела.

Сначала даже не поняла. Два небольших холмика у самого края участка. Невысокие. Земля давно осела. Сухая трава почти скрывала края. В изголовье каждого стоял простой камень. Без надписей. Без знаков. Без имён. Я остановилась. Ведро медленно опустилось на землю. Две могилы. Совсем рядом с домом. Я жила здесь больше недели после пробуждения и ни разу их не замечала. Хотя неудивительно. Всё это время я либо смотрела себе под ноги,

чтобы не упасть, либо вперёд, потому что собиралась куда-то ехать. По сторонам как-то не получалось.

Я подошла ближе. Одна могила была немного больше другой. И всё. Никаких фотографий. Никакой даты. Даже инициала. На одном камне лежало несколько высохших веточек. Не цветы. Какие-то травы. Может, старик положил. Может, ветер принёс.

Я присела. Провела пальцами по камню. Шершавый. Пустой. Странно. Старик никогда ничего не записывал. Я вдруг это поняла. За всё время ни разу не видела у него ни книги, ни блокнота, ни даже старой газеты. На банках тоже не было подписей. Он просто знал, где что лежит.

Возможно, он вообще не умел писать. После войн ничего удивительного. Особенно здесь, в пустоши. Значит, имена были только у него в голове. Я посмотрела на вторую могилу. Хотела спросить.

Кто? Жена? Ребёнок? Родители? Кто-то ещё? Как давно? Что произошло?

Вопросы уже выстроились один за другим.

Очень удобно. Можно аккуратно вскрыть чужую жизнь, разложить по кусочкам и хотя бы на несколько минут не думать о собственной.

Я не спросила.

Он ни разу не спросил меня. Не спросил, почему я приехала вся в крови. Почему кричу по ночам. Кого называю во сне. Почему иногда сжимаю кулон так, будто он сейчас убежит. Почему плакала в первый день после пробуждения, сидя за столом и делая вид, что просто слишком острый суп. Даже когда я сама сказала про брата, старик не полез дальше.

«Жалко».

И всё.

Наверное, этого было достаточно. Некоторые вещи не становятся легче только потому, что ты их произнёс.

Я встала.

— Воду опять ищешь?

Я вздрогнула. Старик стоял возле дома. В руках — охапка сухих веток. Конечно. Человек, который жил один посреди пустоши, каким-то образом научился передвигаться совершенно бесшумно. Очень полезный навык для того, кто любит заставить других рядом с тайными могилами.

— Нет.

Он посмотрел на ведро. Старик перевёл взгляд на могилы. Я тоже. Несколько секунд ничего не происходило. Он не объяснял. Я не спрашивала. Потом сказала:

— Я не знала.

— Теперь знаешь.

Он подошёл ближе и положил ветки возле стены. Я ждала. Не знаю чего. Наверное, расказа. Хотя сама решила не спрашивать. Человеческая логика иногда очень интересная штука. Старик посмотрел на могилы. Лицо не изменилось.

— Жизнь часто приносит боль.

Я повернулась к нему. Вот это уже было подозрительно. За всё время он ни разу не начинал предложение настолько философски.

— Но она не станет услужливо ждать, пока ты с ней примиришься. Она идёт дальше. — Ветер чуть шевельнул сухую траву. — И ты либо идёшь вместе с ней, либо выходишь из неё в сторону.

Всё. Старик поднял ведро. Я смотрела на него.

— Это сейчас была мудрость?

Он пожал плечами.

— Воду принести надо.

Ну, конечно. Я почти улыбнулась. Он пошёл к колодцу. А я осталась возле могил. Жизнь идёт дальше.

Самая банальная фраза на свете.

Отец наверняка сказал бы что-нибудь умнее. Ирма — длиннее. Денис обязательно испортил бы всё какой-нибудь шуткой. Свят, скорее всего, вообще промолчал. Я смотрела на два камня без имён. И почему-то именно сейчас слова наконец попали куда нужно.

Не «время лечит». Не лечит.

Не «надо отпустить». Я понятия не имела, как отпускают людей, которых вчера ещё можно было коснуться.

Не «всё происходит не зря». Некоторые вещи происходят совершенно зря.

Отец умер зря.

Макс умер потому, что кто-то решил превратить его смерть в удобную часть большого плана.

Свят...

Я закрыла глаза.

Свят сам выбрал. От этого было не легче. Но это было его решение. Его последние секунды. Его право.

Мне не нужно было делать из этого что-то хорошее, чтобы продолжать жить. Вот что я всё это время пыталась сделать неправильно. Я ждала момента, когда станет нормально. Когда смогу подумать об отце и не почувствовать дыру внутри. Когда имя Свята перестанет звучать слишком громко. Когда перестану видеть Марину. Когда разговор с Сурой перестанет возвращаться отдельными фразами. Когда смогу решить, что делать с Арьявартой, не чувствуя себя человеком, которому в руки случайно сунули кнопку от конца света.

Я ждала примирения. Как будто жизнь должна была вежливо постоять рядом, пока я разберусь.

Не должна.

Двадцать семь дней она уже шла без меня. Потом ещё несколько. И ничего. Солнце вставало. Старик носил воду.

Где-то существовал Джинох. Денис, если был жив, наверняка успел нажать себе ещё несколько проблем. Ирма наверняка сходила с ума. Данила делал вид, что всё под контролем. Антон... Я даже не знала, жив ли он.

Месяц.

Впервые это слово не ударило. Просто факт. Месяц прошёл. Как и сказал старик. Не я его потеряла. Он прошёл. Разница оказалась маленькой. И почему-то огромной. Я коснулась одного камня.

— Простите, — тихо сказала я.

Не знаю кому. Может, им. Может, старику. Может, всем своим мёртвым сразу. И пошла к дому.

Рюкзак я надела сразу. Без третьей проверки. Кулон поправила под одеждой. Арьяварта по-прежнему молчала.

— Надеюсь, у тебя тоже был хороший отпуск.

Никакой реакции. Прекрасно. Мотоцикл завёлся со второго раза. Я несколько секунд сидела, слушая двигатель. Старик вышел из дома. Встал на крыльце. Я ждала. Он тоже.

— Я уезжаю.

— Вижу.

— Можно было бы сказать что-нибудь.

Он подумал.

— Топливо не трать.

— Невероятно трогательно.

Старик кивнул. Наверное, решил, что я благодарю. Я посмотрела на дом. На крыльцо. На поленницу. На ведро. За стеной отсюда не было видно могил.

Хорошо.

— Спасибо.

Он снова кивнул.

— Вы знаете, обычно на этом месте говорят «не за что».

— Не за что.

Старик пожал плечами. Я усмехнулась. Потом вдруг поняла, что не знаю его имени. За всё это время. Я ни разу не спросила. Он тоже моего. И почему-то исправлять это сейчас казалось неправильным.

— Если когда-нибудь снова окажусь здесь...

— Постучи.

Я взялась за руль.

— И постарайтесь не подбирать больше незнакомых людей с дороги. Некоторые могут оказаться значительно хуже меня.

Старик посмотрел на меня.

— Бывает.

— Вы невозможный человек.

— Езжай.

— Уже еду.

— Пока стоишь.

Я закатила глаза.

— Всё. Теперь точно.

Он отвернулся и пошёл к поленнице. Вот и прощание. Ни объятий. Ни обещаний встретиться. Ни «береги себя». Кажется, за всё время нашего знакомства он так и не научился вести себя как нормальный второстепенный персонаж в чужой драме. За это я была ему особенно благодарна.

Я вывела мотоцикл на дорогу. Остановилась. Впереди пустошь уходила почти до горизонта. Та же дорога, по которой я приехала. Только шестёрки пик больше не было. Плохую дорогу старик сжёг.

Не судьбу. Не прошлое. Кусок бумаги.

Он был прав. Бумага ни при чём.

Я повернула в сторону Джиноха. Двигатель набрал обороты. Дом начал уменьшаться в зеркале. Старик даже не вышел посмотреть.

Через несколько минут хижина исчезла совсем. Я смотрела вперёд. Мне всё ещё было больно. Я всё ещё не знала, что буду делать с Арьявартой. Не знала, найду ли Дениса. Не знала, что произошло за этот месяц. Не знала даже, что осталось от мира, из которого я выпала почти на четыре недели. Но впервые мне не требовалось решить всё это прежде, чем начать двигаться. Жизнь уже шла.

Оставалось догнать. Я прибавила газ.

Глава III

Два орла на монете

Мотоцикл продержался до полудня.

Это было даже щедро.

Первые признаки грядущей смерти он начал подавать ещё часа за два: двигатель несколько раз кашлянул на подъёмах, потом появился неприятный металлический звук, который я старательно игнорировала, потому что некоторые проблемы действительно исчезают сами. Эта не исчезла. На очередном длинном участке дороги мотор захлебнулся, дёрнулся и

затих окончательно. Я по инерции прокатилась ещё метров двадцать, свернула к обочине и остановилась возле остова бетонной опоры.

Несколько секунд просто сидела. Потом повернула ключ. Тишина. Ещё раз. Мотоцикл ответил коротким щелчком.

— Даже не пытайся делать вид, что это моя вина.

Щелчка на этот раз не было. Обиделся.

Я слезла, сняла перчатки и проверила топливо, хотя ответ знала заранее. На дне плескалось количество, которого хватило бы разве что красиво проехать последние метров триста перед окончательной смертью двигателя.

Старик предупреждал. Это раздражало отдельно. Я выпрямилась и посмотрела на дорогу.

Пустошь уже закончилась. Местность постепенно становилась живее: сухая трава уступила место редким посадкам, вдали тянулись остатки старой линии электропередачи, несколько опор даже выглядели рабочими. Слева начинались холмы, справа дорога уходила вниз и там, далеко впереди, между серо-зелёными пятнами деревьев виднелись крыши.

Поселение. С моего места — километра три, может чуть больше. Отлично. Топливо, вода, возможно, кто-нибудь знает дорогу до Джиниха.

Я уже собиралась катить мотоцикл вниз, когда что-то блеснуло возле крайних домов. Остановилась. Солнце било почти прямо в глаза. Я прикрыла ладонью лоб и посмотрела внимательнее. Машина. Большая. Слишком большая для фермерской. Я откатила мотоцикл обратно за бетонную опору и присела.

Через несколько секунд из-за домов показалась вторая машина. Потом ещё одна. У первой была высокая кабина, закрытая платформа и характерно широкий корпус. Такую технику я видела совсем недавно. Не хотелось бы повторять знакомство.

Я оставила мотоцикл в тени опоры, поднялась чуть выше по склону и легла в сухую траву. Вид отсюда был лучше. Поселение стояло вдоль старой трассы. Небольшое — домов двести, может триста. С восточной стороны поля, с западной какие-то мастерские и склады. На въезде шлагбаум. Не временный. Нормальный стационарный пост уже с ограждением, двумя будками и навесом над дорогой.

Значит, стоят не первый день.

Возле поста две бронемшины. За ними грузовик. Чуть дальше — антенна связи. Люди в форме ходили спокойно, без той суеты, которая появляется, когда отряд только разворачивает лагерь. Один сидел на ящике и курил. Второй спорил с водителем грузовика. Третий лениво проверял документы у женщины с тележкой. Живут. Освоились.

Я медленно выдохнула. Военные Нового Света. Здесь. Между Джинихом и пустошью.

За месяц мир действительно не стал ждать. Я пролежала ещё минут пятнадцать.

Ликвидаторов учили наблюдать перед входом в опасную зону. Правда, обычно речь шла о заражённом городе, логове брукс или здании, в котором предположительно сидит вооружённый психопат. Военная оккупация в базовый курс почему-то не входила.

Недоработка программы.

Патруль на въезде менялся не полностью. Двое оставались, двое уходили. Машины почти не проверяли — только документы. Пеших осматривали чаще. На северной стороне поселения ограждения не было, зато примерно раз в десять минут проходила пара военных.

Я засекла три прохода. Девять минут. Одиннадцать. Десять с половиной. Не расписание. Просто привычка. Это хуже. Расписание можно выучить. Привычки иногда меняются от того, что человеку захотелось покурить.

Мотоцикл пришлось оставить. Я закатила его глубже за опору, набросала сверху сухих веток и травы. Маскировка была жалкая, но с дороги он не просматривался. Если кто-то специально полезет проверять бетонные развалины — найдёт, и мотоцикл будет уже наименьшей моей проблемой.

Куртку застегнула до подбородка. Волосы собрала, спрятала под капюшон и только после этого поняла, насколько смешной получилась попытка. Рыжие волосы ещё можно спрятать. Лицо — значительно сложнее.

Впервые за всё время знакомства с Ирмой я совершенно искренне пожалела, что мне досталась не её способность. Умение менять внешность внезапно выглядело гораздо полезнее мгновенного срастания костей. Хотя, зная мою удачу, к вечеру пригодится и второе.

Я не пошла к посту. Севернее поселения проходила старая оросительная канава. Воды в ней давно не было, зато кусты по краям выросли достаточно высокими, чтобы скрыть человека почти целиком. Через несколько сотен метров канава подходила к задним дворам. Хорошо. Слишком хорошо.

Я спустилась туда и почти сразу поняла, в чём проблема. Следы. Не мои. На сухой земле виднелись подошвы, несколько разных. Свежие. Значит, путь знала не только я. Контрабандисты, местные подростки, люди, не желающие показывать документы военным. Или сами военные.

Я присела, потрогала край одного отпечатка. Земля ещё не осыпалась. Совсем свежий. Нормальный разведчик, наверное, развернулся бы. Я решила, что нормального разведчика поблизости всё равно нет.

Пошла дальше. Первые дома появились через несколько минут. Канава заканчивалась за деревянным сараем. Я не полезла наружу сразу, сначала устроилась под стенкой и несколько секунд слушала. Голоса. Женский. Детский. Металлический звон посуды. Где-то дальше работал двигатель. Военных не слышно. Я осторожно выглянула. Во дворе соседнего дома женщина развешивала бельё. Мальчишка лет десяти возился возле старой тележки. На меня никто не смотрел.

Я вышла.

Главное правило, которое я успела вынести из всех своих последних приключений: человек, который крадёт, выглядит значительно подозрительнее человека, который просто куда-то идёт. Поэтому я не кралась. Прошла через двор, будто делала это каждое утро последние пятнадцать лет. Женщина подняла голову. Я кивнула. Она кивнула в ответ. Удивительно. Иногда лучший маскировочный навык — отсутствие причины остановиться.

На улице людей было больше. Старики сидели возле дома. Две девушки несли корзины. Мужчина чинил колесо у небольшого грузовика. Почти обычное поселение. Почти. Через перекрёсток прошёл патруль. Четверо. Одинаковая форма, чистая, новая. Оружие не в руках, а на ремнях. Они не выглядели как люди, ожидающие нападения каждую секунду.

Они выглядели как люди, уверенные, что нападать здесь никто не имеет права. Я отвернулась к витрине маленькой лавки. В стекле отражались патруль и я. Капюшон скрывал волосы. Лицо — нет. Один из военных мельком посмотрел в мою сторону. Я задержалась возле витрины, рассматривая какие-то банки с консервами. Не пошла быстрее. Не отвернулась резко. Патруль прошёл. Только тогда я позволила себе выдохнуть.

И увидела ориентировку. Она висела с внутренней стороны стекла. Сначала я заметила Дениса. Не имя. Лицо. Фотография была отвратительная, что немного улучшило настроение. Наверное, служебная. Волосы прилизаны, выражение такое, будто фотограф успел сказать что-нибудь особенно глупое прямо перед снимком. Я узнала его мгновенно.

Рядом висела вторая ориентировка. Моя. Почему-то я не сразу это поняла. Смотрела на собственное лицо и несколько секунд пыталась вспомнить, где сделана фотография. Потом дошло. Личное дело. Тарба. Ещё до Ксилона. На той фотографии я была чистая, отдохнувшая и крайне недовольная необходимостью фотографироваться для служебной базы. Хорошие времена.

Под портретом шёл текст. Я прочитала только первые строки.

ДЕМЕТРА КНЯЗЕВСКАЯ. ОПАСНА. РОЗЫСК.

Дальше было много букв. Соппротивление. Нападение. Смерть Суры.

Я перечитала. Потом ещё раз. Смысл не изменился. Официальная версия утверждала, что группа Соппротивления организовала нападение на комплекс Нового Света, в результате которого погибла Сура. Денис проходил как один из участников. Я — как сообщница и одна из ключевых фигур операции.

Очень интересно.

Я месяц спала, а за это время успела стать убийцей собственной матери. Насыщенная жизнь.

— Девушка, покупать будете?

Я вздрогнула. Из лавки на меня смотрел продавец. Слишком долго стою. Ошибка.

— Нет, спасибо. Цены смотрю.

Я улыбнулась и пошла дальше. Спинной почувствовала его взгляд. Не оборачиваться. Слишком поздно исправлять остановку, зато можно не делать вторую ошибку следом. До следующего перекрёстка я шла спокойно. Только свернув, ускорила. Ориентировки были ещё на двух стенах. Значит, не случайность и не инициатива одного особо сознательного продавца. Меня искали здесь. Дениса тоже.

А если плакаты висели в поселении, которое я даже не знала по названию, Джинох наверняка был завешан ими до последнего туалета.

Прекрасный план, Дема. Доехать до города. Войти. Найти Дениса. Почти никаких слабых мест. Теперь требовалась информация. Не много.

Только всё.

Бар нашёлся на окраине центральной площади. Я выбрала его ещё с противоположной стороны улицы. У приличного заведения были вывеска, стеклянные окна и двое военных за столиком возле входа. У второго — музыка и много молодёжи. Третий располагался в полуподвале, вывеска держалась на одной цепи, окно было настолько грязным, что посмотреть внутрь не получилось. Идеально.

Люди, которым есть что скрывать, любят хорошие бары. Люди, которым нечего платить, любят дешёвые. Мне сейчас подходили вторые.

Перед входом я прошла мимо, не останавливаясь. Сбоку — узкий проход между домами. Сзади небольшая дверь, вероятно кухня или склад. Окно возле неё открыто. Запасной выход. Хорошо. Вернулась. Внутри пахло старым жиром, табаком и чем-то крепким, что явно пытались выдавать за алкоголь. Посетителей было человек восемь. Двое играли в карты. Мужчина в рабочей одежде спал, положив голову на руки. В дальнем углу тихо разговаривали трое.

Военных нет.

Бармен стоял за стойкой и натирал стакан. Лет пятьдесят. Тяжёлые плечи, маленькие глаза, седина возле висков. Выражение человека, которого невозможно удивить, потому что он давно решил, что все вокруг идиоты.

Мне сразу понравился.

Я села не в центр, а ближе к краю стойки. Отсюда было видно вход и отражение части зала в старом зеркале за бутылками. Профессионал, наверное, выбрал бы стол дальше от бармена. Но мне был нужен именно он.

— Что самое дешёвое? — спросила я.

Он перестал тереть стакан.

— Вода.

— После неё?

— Не спрашивай состав.

— Уже нравится.

Бармен налил в маленький стакан прозрачную жидкость. Я понюхала.

— Это оружие?

— Если хорошо размахнуться.

— Тогда воды.

Он впервые едва заметно усмехнулся и поставил передо мной кружку. Я отпила. Не задавать вопросы сразу. Сначала стать обычным человеком.

— У вас топливо достать можно?

— Можно. На северном складе.

— Там военные.

Бармен пожал плечами и взял следующий стакан.

— Сейчас они везде.

Он ничего не ответил. Я провела пальцем по краю кружки.

— Давно стоят?

— Смотря кого спрашиваешь.

— Вас.

— Три недели.

Вот так. Спокойно. Как будто сообщил прогноз погоды. Я подняла глаза.

— Здесь?

— Здесь меньше. Основные в Джинохе.

Сердце неприятно толкнулось. Не показать. Я сделала ещё глоток.

— Значит, дорога туда открыта?

— Если документы хорошие.

— А если плохие?

Он поставил стакан на полку.

— Тогда дорога тоже открыта. Только в другую сторону. В участок.

Нормально. Я оглянулась на зал, будто вопрос был обычным любопытством путешественника.

— А что вообще происходит? Я несколько недель была в пустоши. На въезде броня, патрули, проверки. Такое ощущение, будто война началась, а мне забыли сообщить.

Бармен медленно поднял на меня взгляд. Секунды две просто смотрел. Слишком прямой вопрос. Я поторопилась. Вот это уже было моей ошибкой. Уже второй по счету. В принципе, даже не плохо.

Хороший разведчик заставил бы его самого начать жаловаться на цены, военных, налоги, посетителей и только потом подвёл бы разговор куда нужно.

Я просто спросила. Ненавязчивость никогда не была моей сильной стороной.

— Война не началась, — наконец сказал он. — Она просто решила сначала устроиться поудобнее.

— Обнадёживает.

Бармен опёрся ладонями о стойку.

— Ты правда не знаешь?

— Если бы знала, не платила бы за воду ради разговора.

— За воду ты ещё не платила.

Я достала несколько монет. Он посмотрел на них, выбрал две и подтянул к себе.

— Старые принимаете?

— Деньги редко становятся хуже только потому, что власть придумала новый рисунок.

— Разумная позиция.

— Практичная.

Он убрал монеты.

— Три недели назад в Джинох вошли военные. Не наши. Из Нового Света.

Я изобразила удивление. Не слишком сильно. Оказалось несложно.

— Нового Света?

— Вот примерно такое лицо было у половины города.

Он взял бутылку, налил немного себе и даже не предложил мне.

— Я думала, Новый Свет — сказка.

— Все думали. Одни говорили, что он в Австралии. Другие — что под землёй. Один старик здесь лет десять утверждал, что город находится на орбите и каждую ночь следит за нами. Очень расстроился, когда оказалось, что до орбиты они не доросли.

Я усмехнулась.

— И просто пришли?

— Не совсем просто. - Бармен поставил бутылку обратно. Пальцем повернул её так, чтобы этикетка смотрела наружу. — Сначала появились машины. Потом представители. Предложили руководству Джиноха сотрудничество. Через два дня уже стояли на центральных улицах.

— Руководство согласилось?

Он посмотрел на меня поверх стойки.

— Теперь утверждают, что да.

Понятно.

— А сами они как себя называют?

— Небесный порядок.

Я едва не рассмеялась. Сдержалась. После Нового Света стоило перестать удивляться названиям, которые придумывают люди, собирающиеся спасти человечество.

— Скромно.

— У власти скромность редко входит в обязательную форму.

Я отпила воды.

— И люди это приняли?

Бармен на секунду отвлёкся: один из игроков поднял руку, показывая пустую кружку. Он налил ему, забрал деньги и только потом вернулся.

— А что именно принимать? — спросил он. — Они вошли без стрельбы. Через неделю привезли медицинское оборудование. В Джинохе начали строить нормальную больницу. Не палатку на двадцать коек, а здание с хирургией, диагностикой, лабораториями. Здесь обещают открыть школу. Уже привезли генераторы и очистку воды. Дорогу на юг расчистили за десять дней. - Он говорил без восторга. Просто перечислял. Это почему-то звучало убедительнее любой агитации. — Платят тоже хорошо, — продолжил он. — Молодые записываются к ним в охрану, техниками, водителями. Вчера парень из соседнего дома пришёл похвастаться первой зарплатой. Его мать за два месяца столько не получает.

Я медленно крутила кружку. Вот оно. Сура была мертва. Но её аргумент продолжал жить. Работающие системы не исчезают только потому, что человек, который их построил, оказался готов сломать чужую жизнь ради следующей системы.

— Звучит почти неплохо.

Бармен усмехнулся. Он взял тряпку и провёл по стойке между нами.

— Только после девяти лучше не ходить. Документы носить всегда. На площади стоят камеры. Соседа забрали четыре дня назад за разговор в очереди.

— За какой разговор?

— Не знаю. Я в очередях не разговариваю.

— Мудро.

— Ещё одного забрали потому, что на него написали трое.

— За что?

— Один говорил — за оружие. Второй — за связь с Сопротивлением. Третий потом признался, что сосед ему просто денег должен. - Он пожал плечами. — Всё равно пока не вернулся. - В дальнем углу кто-то громко засмеялся. Бармен дождался, пока шум стихнет. —

Они принесли порядок, — сказал он уже тише. — Настоящий. Машины ездят. Врачи работают. Работу дают. На дорогах стало безопаснее. И если тебе ничего не нужно от жизни, кроме еды, лечения и чтобы ночью никто не вломился в дом, многое даже стало лучше.

— А если нужно?

— Тогда начинаются сложности.

Я посмотрела на него.

— Соппротивление?

Бармен перестал двигать тряпку.

Вот теперь я действительно спросила слишком прямо. Он поднял глаза. Несколько секунд мы молчали.

— Какая именно часть твоей долгой дороги научила тебя задавать такие вопросы незнакомым людям?

— Та, где я устала получать ответы последней.

— Плохая привычка.

— Есть хуже.

Он сложил тряпку пополам.

— Есть.

Не отказал. Уже что-то.

— Они существуют? — спросила я.

— Кто угодно существует, если военные достаточно часто говорят, что его не существует.

Бармен наклонился, вытащил из-под стойки коробку с мелочью и начал пересчитывать монеты. Разговор закончен? Нет. Он просто перестал смотреть на меня.

— В Джинохе их много, — произнёс он спустя несколько секунд. — Раньше были отдельные группы. Теперь объединяются. Военные арестовывают людей — у Соппротивления появляется ещё десять добровольцев. Соппротивление взрывает склад — военные вводят новые проверки. После проверок появляется ещё двадцать добровольцев.

Он бросил монету в коробку. Звякнула.

— На чьей вы стороне?

Бармен поднял одну бровь.

— Моей.

— Очень принципиально.

— Именно поэтому я до сих пор жив. - Он перебрал ещё несколько монет и выложил перед собой две. — Эти пришли и говорят: будет порядок. Те говорят: будет свобода. Одни платят за сведения о тех. Те платят за сведения об этих. А потом обе стороны заходят сюда и возмущаются, что другая сторона покупает информацию. - Он усмехнулся. — У нас теперь монета будто с двумя орлами. Решки нет. Как ни переверни — сверху всё равно кто-то с клювом.

Я посмотрела на две монеты.

— И вы берёте деньги у обоих орлов?

— Пока не начали расплачиваться обещаниями.

Он ссыпал мелочь обратно в коробку. Мне всё больше нравился этот человек. И всё меньше хотелось поворачиваться к нему спиной.

— Мне нужно попасть в Джинох.

— Не советую.

— Это не совсем туристическая поездка.

— Я догадался.

Что-то в его голосе изменилось. Совсем немного. Я подняла глаза. Он уже не смотрел на кружку. На меня. Слишком внимательно.

Чёрт.

Я машинально потянулась к капюшону и остановила руку. Поздно. Бармен видел моё лицо с момента, когда я вошла. Наверняка видел ориентировки.

Профессиональный разведчик сменил бы одежду, цвет волос, походку, придумал документы и легенду ещё до первого населённого пункта.

Я натянула капюшон. Великолепно.

— Когда вы меня узнали? — спросила я.

Он почти улыбнулся.

— Когда ты вошла.

— И молчали?

— Ты ничего не спрашивала.

— А теперь?

— Теперь спрашиваешь.

Я поставила кружку.

— Хорошо. Тогда без спектакля. Мне нужен способ связаться с Сопротивлением.

Бармен провёл большим пальцем по краю одной монеты.

— Дорого.

— Сколько?

Он назвал сумму. Я посмотрела на него.

— За эти деньги вы должны лично отвести меня к их командиру и приготовить ужин.

— Ужин отдельно.

— Грабёж.

— Рынок.

Я достала деньги. Не все. Часть. Бармен посмотрел.

— Не хватает.

— Остальное, когда пойму, что вы не отправили меня к ближайшему патрулю.

— Тогда можешь оставить и это.

Он отодвинул монеты обратно. Не торгуется. Либо информация настоящая, либо он очень хорошо играет. Я добавила ещё две.

— Половина.

Бармен подумал. Потом забрал.

— В Джинохе восточный район. Старые мастерские возле трамвайного депо. Найдёшь лавку с зелёной дверью. Она закрыта.

Я слушала. Не записывать.

— На соседнем доме нарисован белый круг. Если круга нет — уходишь. Если есть, три раза стучишь в боковую дверь и спрашиваешь, чинят ли у них часы.

— А если ответят да?

— Уходишь.

— А если нет?

— Скажут, куда идти дальше.

— Очень удобно.

— Не должно быть удобно.

Он слегка подался вперёд.

— И не води туда хвост.

— Спасибо, эту часть я бы даже сама догадалась.

— После того, как пришла сюда с лицом на каждой второй стене?

Заслуженно. Я наклонила голову.

— Больно.

— Бесплатная часть консультации.

Достала оставшиеся деньги и положила на стойку. Бармен накрыл их ладонью.

— Теперь ещё одно.

— В цену включено, я надеюсь?

— Да.

Я ждала. Он спокойно сгреб монеты к себе.

— Через минуту я позову охрану.

Я смотрела на него. Он смотрел на меня.

— Простите?

— За тебя хорошая награда.

Я невольно рассмеялась. Тихо. Не потому, что было смешно. Просто организм иногда выбирает странные реакции.

— Вы только что продали мне контакт Сопротивления. И сейчас продадите меня военным.

— Да.

— Вам никогда не говорили, что морально вы довольно гибкий человек?

Бармен поставил коробку под стойку.

— Говорили люди, которые хотели информацию бесплатно.

Я поднялась.

— А минуту вы мне зачем даёте?

Он посмотрел на деньги.

— Ты заплатила.

Логично.

— Если я уйду, награду вы не получите.

— Если поймут — получу.

— А если нет?

Бармен пожал плечами.

— Значит, плохо сработали.

Я натянула капюшон плотнее.

— Тогда спасибо.

В его лице впервые появилось настоящее удивление. Небольшое.

— За что?

— За информацию.

Я кивнула на стойку.

— Остальное — ваша личная предпринимательская инициатива.

Он усмехнулся.

— Пятьдесят секунд.

— Щедро.

Я пошла к двери.

— Девушка.

Обернулась. Бармен уже тянулся под стойку к коммуникатору.

— Не беги сразу.

Вот теперь улыбнулась я.

— Это я тоже знаю.

И вышла.

Не бежать. Самая противоестественная вещь на свете, когда знаешь, что через несколько секунд кто-то сообщит вооружённым людям твоё точное местоположение. Я пошла через площадь. Обычным шагом. Медленнее, чем хотелось. На углу стояли двое военных. Один разговаривал с женщиной возле лотка, второй смотрел куда-то в сторону дороги. Не на меня.

Пока.

Первая ошибка была бы уйти прямо в сторону Джиноха. Вторая — направиться к выезду из поселения. Третья — использовать тот же путь, которым вошла. Оставался весь остальной город.

Я свернула к рынку. За спиной ничего не происходило. Двадцать секунд. Тридцать. Не считать. Я всё равно считала. Прошла между двумя рядами палаток, остановилась у ящика с яблоками.

— Почём?

Продавец назвал цену. Купила одно. Не потому, что хотелось. Человеку, за которым гонятся, яблоко совершенно не нужно. Человеку, который спокойно идёт по рынку, — вполне. Откусила. Кислое. Естественно. В отражении металлической крышки на соседнем прилавке мелькнула форма. Один. Потом второй. Идут быстро. Не бегут.

Бармен хорошо объяснил, где меня искать.

Я продолжила жевать. Повернула между рядами. Справа выход к площади. Слева узкий проход между мастерской и аптекой. Выбрала левый.

Не потому, что он выглядел безопаснее. Потому что справа уже появился ещё один патруль. Теперь можно ускориться. Я свернула в проход. Шаги сзади. Кто-то окликнул.

— Девушка!

Не реагировать.

— В чёрной куртке!

Очень оригинально. Половина поселения в чёрных куртках. Я шла дальше.

— Стой!

Теперь уже мне.

Побежала. Сзади сразу изменился звук шагов. Прекрасно. Проход вывел во двор. Забор. Слишком высокий для нормального прыжка. Я поставила ногу на старый ящик, оттолкнулась, ухватила за край и подтянулась. Дерево треснуло. С другой стороны меня встретила куча металлолома. Приземлилась плохо, подвернула ногу. Боль вспыхнула и тут же начала уходить. Иногда всё-таки люблю свою способность.

За забором загремело. Они полезли следом. Я не стала ждать. Между домами шла узкая улица, впереди трое местных тащили тележку. Я обогнула их, резко свернула в открытую калитку.

Чужой двор. Женщина возле стены подняла голову.

— Эй!

— Простите!

— Ты куда?!

— Уже ухожу!

Через заднюю калитку. Закрыла её. Не запирала. Запертая дверь сообщает преследователю, где ты прошла. Вот это я знала. Через несколько секунд услышала голоса с улицы.

— Видели рыжую девушку?

Чёрт.

Капюшон слетел на заборе. Женщина во дворе ответила не сразу.

— Туда побежала.

И показала правильно. Спасибо. Очень приятно.

Я уже была через два дома. Соваться к контакту Сопротивления теперь нельзя. Даже если бармен дал настоящий адрес. Особенно если настоящий. Привести за собой патруль — отличный способ познакомиться с подпольем. Очень короткий. Я свернула к дороге, увидела впереди военную машину и сразу отступила обратно. Они перекрывали выезды. Быстро.

Значит, ориентировка была не формальностью. Или награда действительно хорошая.

За спиной крикнули. Меня увидели. Дальше стало хуже. Я перескочила через низкую стену, пробежала вдоль ряда хозяйственных построек и вылетела на улицу прямо перед двумя

военными. Они тоже удивились. Первый потянулся к оружию. Я ударила телекинезом не по нему — по мусорному контейнеру справа. Металлическая коробка с грохотом сорвалась с места и врезалась между нами. Оба отшатнулись. Я побежала.

— АРХ!

Ну вот. Теперь они точно знали. Сзади прозвучала команда:

— Не стрелять! Брать живой!

Это я услышала очень хорошо. И мне совершенно не понравилось. Почему живой? За убийство Суры можно было бы ожидать меньше гуманизма. Стрелять всё-таки начали.

Не в меня.

Пуля ударила в стену впереди, отсекая путь. Предупреждение.

Я нырнула в боковой переулок. Дыхание уже сбилось. Не от слабости — организм восстанавлился. Просто почти месяц лежания не очень полезен для формы, даже если мышцы восстанавливаются быстрее обычного.

Впереди улица раздваивалась. Справа открыто. Слева дома. Нормальный человек выбрал бы дома. Значит, преследователи тоже.

Я пошла вправо. Открытая площадка оказалась бывшей стройкой. Кучи песка, бетонные блоки, каркас недостроенного здания. Плохо. Слишком мало выходов. Развернуться поздно.

Я прошла между блоками, услышала двигатель. Машина. С противоположной стороны. Меня загоняли. Значит, пора перестать просто убежать. Я присела за бетонной плитой.

Слева шаги. Справа двигатель. За плитой лежали куски арматуры, старая ткань, пустые мешки. Ничего полезного. Посмотрела вверх. На втором этаже недостроенного здания висел плохо закреплённый металлический лист. Можно. Но если сбросить его прямо на людей, это уже не отвлекающий манёвр. Я не собиралась никого убивать.

Пока.

Телекинезом дёрнула крепление. Лист сорвался. Грохот разнёсся по всей площадке. Военные слева остановились.

— Там!

Именно. Только не там, где я.

Пока они сместились к зданию, я выскочила с противоположной стороны, прошла за грузовиком и оказалась возле ряда старых домов. Вот теперь укрытие. Первый дом закрыт. Второй жилой. Третий — окна выбиты, дверь перекошена, крыша частично провалилась. Пустой. Слишком очевидный.

Я пробежала мимо. Ещё два дома. Один закрыт ставнями, но возле двери свежие следы. В другом на подоконнике цветок. Нет.

Вернулась к пустому. Иногда очевидное место становится менее очевидным именно потому, что все считают его слишком очевидным.

Очень умная мысль. Надеюсь, военные тоже так не подумают.

Дверь не открывалась. Я протиснулась через окно. Внутри пахло сыростью. Первый этаж пустой. Пыль. Перевернутый шкаф. Старый стол. Не оставаться наверху. С улицы уже слышались команды. Я нашла лестницу вниз. Подвал. Плохо. Тупик. Спустилась на две ступеньки и остановилась.

Нормальный разведчик не полез бы в помещение с одним выходом. Я уже начинала ненавидеть воображаемого «нормального разведчика».

Осмотрелась. Слева узкое окно почти под потолком. Закрыто решёткой. Справа в стене старый угольный люк. Маленький. Но если понадобится, пролезу. Два выхода. Почти роскошь. Я спустилась. Лестница скрипнула.

Чёрт.

Вернулась на две ступени и осторожно приподняла её телекинезом, чтобы следующие шаги не давили на дерево. Вот это сработало. Внизу было темно. Я закрыла дверь не до конца. Если её увидят плотно закрытой — проверят. Если открытой — тоже.

Оставила щель, как будто дверь просто перекосилась. Потом отошла в дальний угол за старые ящики и присела. Сердце било слишком громко. На улице появились шаги. Несколько человек.

— Дом проверяли?

— Сейчас.

Конечно. Почему хоть что-нибудь должно быть просто. Я прижала спину к стене. Дышать медленнее. Не держать воздух — потом вдохнёшь слишком резко. Сверху хлопнула дверь. Шаги. Один человек. Нет. Двое. Они вошли.

— Пусто.

— Верх посмотри.

Один пошёл дальше. Второй остался. Я видела только узкую полоску света под дверью. Тень. Он стоял возле лестницы. Не двигался. Потом ступень скрипнула. Всего один раз. Я приготовилась. Если спустится — телекинезом выбить оружие. Не бить человека первым. Если закричит — придётся. Если...

Шаг наверху.

— Здесь подвал.

Чёрт.

— Проверяй.

Тень приблизилась. Я посмотрела на угольный люк. Добежать можно. Открыть? Не знаю. Никаких гарантий, что снаружи нет второго патруля. Лучше ждать. Первая ступень. Вторая. Потом военный остановился.

— Воняет.

— Поздравляю.

— Здесь вода стояла.

Молчание.

— Думаешь, она полезла сюда?

— Думаю, рыжая девка за пять минут прошла три квартала, швырнула контейнер в патруль и исчезла. Я уже ничего не думаю.

Мне польстило. Немного.

— Проверяй.

Он спустился ещё ниже. Я увидела ботинок. Потом голень. Рука на оружии. Расстояние четыре метра. Три с половиной. Если дойдёт до пола — увидит. Я уже собиралась дёрнуть винтовку, когда снаружи кто-то крикнул:

— Есть след! На восток ушла!

Военный замер.

— Точно?

— Женщина видела!

Ботинок исчез.

— Пошли!

Шаги вверх. Дверь хлопнула. Через несколько секунд дом снова стих. Я не двигалась. Минуту. Две. Пять.

Вот теперь стало ясно, зачем нормальные разведчики долго лежат в неудобных местах после того, как опасность вроде бы прошла.

Потому что через семь минут один из военных вернулся. Один. Тихо. Я услышала только дверь. Он постоял наверху. Наверное, проверял, не выйдет ли кто-то после ухода патруля. Умный. Очень неприятный человек. Потом снова ушёл. На этот раз я ждала ещё двадцать

минут. Ноги затекли. Спина болела. Угольный люк начал казаться исключительно привлекательным архитектурным решением. Наконец позволила себе сесть нормально.

В кармане лежал адрес. Точнее, уже не адрес. Я повторила его про себя. Восточный район. Старые мастерские. Трамвайное депо. Зелёная дверь. Белый круг. Часы. Повторила ещё раз.

Потом достала маленький кусок бумаги, который бармен всё-таки сунул мне вместе со сдачей. На нём было всего два слова и номер. Посмотрела. Запомнила. Разорвала на мелкие части. Потом подумала и разорвала ещё раз.

Профессиональный разведчик, вероятно, сжёг бы. В подвале гореть было нечему.

Съесть? Нет уж. Есть пределы моей преданности делу.

Я засунула кусочки глубоко между камнями стены. Если военные решат разобрать дом по кирпичу — пусть получают награду. Прислонилась затылком к стене. И только теперь позволила себе нормально подумать.

Джинох занят Небесным порядком. Три недели. Значит, почти сразу после Нового Света. Они не просто пережили смерть Суры и внутренний конфликт. Они вышли наружу. Организовано. С техникой. С ресурсами. С планом.

Военные захватили власть ещё до моего ухода. Я видела достаточно, чтобы понимать: люди, которые тогда говорили о стратегических маршрутах, городах и необходимости принимать решения за тех, кто «выбирает неправильно», не собирались ограничиваться одним комплексом.

Теперь у них был Джинох. Больница. Школа. Рабочие места. Хорошие зарплаты. Патрули. Камеры. Аресты. Доносы. Всё сразу.

Вот что раздражало сильнее всего. Если бы они просто пришли и начали расстреливать людей на площади, задача была бы значительно проще. Плохие. Хорошие. Выбирай сторону. Но они строили больницы. И сажали людей за разговоры. Открывали школы. И превращали соседей в доносчиков. Давали работу тем, у кого её не было. И забирали возможность сказать «нет».

Сура бы оценила.

Я закрыла глаза. С другой стороны — Соппротивление. Бармен описал его не лучше. Военные давят — Соппротивление растёт. Соппротивление бьёт — военные давят сильнее. Очень эффективная система взаимной поддержки. Два орла. Решки нет.

Я усмехнулась.

Из всех людей, которых можно было встретить после месяца в пустоши, мне попался человек, готовый продать обеим сторонам одну и ту же информацию и при этом, возможно, понимающий происходящее лучше половины политиков. Мир определённо не потерял чувство юмора.

Но главное было другим. Денис жив. По крайней мере, военные считали, что его ещё есть смысл искать. Это не доказательство. Но достаточно.

Я прижала ладонь к кулону под одеждой. Арьяварта молчала.

— Даже не начинай, — прошептала я. — Сначала найду его.

Тишина. Хороший разговор. Уже привычно.

На улице снова проехала машина. Я дождалась, пока звук исчезнет. До Джиноха оставалось совсем немного. Несколько километров. Военная оккупация. Патрули. Ориентировки. Подполье, к которому нельзя вести хвост. И неизвестно сколько людей, желающих получить деньги за мою голову.

Почти план.

Я устроилась поудобнее возле стены. Выходить пока было рано. Нормальный разведчик дождался бы темноты.

На этот раз я решила хотя бы один раз его послушать.

Глава IV

Дефект совершенства

К Джиноху я подошла глубокой ночью.

Ждать в подвале оказалось тяжелее, чем бежать от патруля. Во время погони хотя бы понятно, чем заняться: поворачивать, прыгать, не попадаться под пули и периодически сожалеть о собственных жизненных решениях. Сидеть несколько часов в темноте и слушать, как наверху город продолжает существовать без тебя, требовало гораздо больше дисциплины.

Но на этот раз я решила не спорить с воображаемым профессиональным разведчиком.

Темнота стучалась медленно. Сначала по улицам ещё ходили люди, потом закрылись лавки, стихли голоса, несколько раз проехали военные машины. После полуночи поселение наконец уснуло. Только тогда я выбралась через угольный люк, обогнула дома с северной стороны и вышла к дороге.

Мотоцикл пришлось оставить. Вернуться за ним теперь было равносильно, если не самоубийству, то очень хорошей попытке на этом пути.

Жаль. Мы недолго были вместе, но после всего пережитого я уже почти собиралась дать ему имя.

До Джиноха добралась пешком.

Город обозначился впереди сначала светом. Не тем тусклым оранжевым пятном, которое обычно висело над крупными поселениями, а ровными линиями фонарей вдоль дороги. На подъезде появились новые опоры, протянутые кабели и работающие прожекторы. Всё выглядело слишком организовано для территории, которую захватили всего три недели назад.

Потом появились посты.

Первый стоял ещё в нескольких километрах от города. Его удалось обойти. Второй — тоже. На третьем местность уже не оставляла нормального прохода. Дорога шла между старой насыпью и огороженной промышленной территорией, а солдаты перекрыли пространство от стены до стены. Справа работал прожектор. Слева стояла машина.

Я лежала за кучей бетонного мусора и минут десять наблюдала.

Четверо.

Один проверял документы. Второй осматривал сумки. Третий сидел внутри будки. Четвёртый прислонился плечом к шлагбауму и явно присутствовал здесь только потому, что командование пока не придумало способ заставить форму стоять самостоятельно.

Именно он мне и понравился.

За десять минут он дважды зевнул, один раз посмотрел на часы, ещё раз на женщину, проходившую через пост, и ни разу — на её документы. Хороший человек. Главное — правильно выбрать собеседника.

Я дождалась, пока к посту подойдёт небольшая группа рабочих. Трое мужчин, женщина, тележка с ящиками. Проверяющий сразу занялся ими. Второй полез в один из контейнеров. Я вышла из темноты и пошла к ленивому. Не слишком быстро. Капюшон низко. Голова чуть опущена. Он заметил меня почти сразу.

— Документы.

Я остановилась.

— Уже показывала на внешнем посту.

Военный протянул руку.

— Здесь тоже показывают.

Он говорил устало, даже не глядя мне в лицо. Я подняла глаза. Совсем немного. Гипноз никогда не требовал красивых жестов. Чем проще мысль, тем легче было заставить чужое сознание принять её за собственную.

Ты уже проверил.

Его пальцы на секунду замерли.

Она уже проходила.

Он моргнул.

Я не усиливала давление. Слишком глубокое воздействие оставляет после себя неприятные провалы, а человек с провалом в памяти возле военного поста — отличный способ устроить тревогу через пять минут. Нужно было не заставить его поверить в новую реальность. Всего лишь подтолкнуть к той, которая ему нравилась больше.

Не хочется опять заниматься этой ерундой.

Военный медленно опустил руку. Посмотрел на рабочих. Потом на меня.

— Ты через восточный проход шла?

— Да.

Он раздражённо потёр переносицу.

— Там уже проверяли?

— Дважды.

Это была ложь. Но очень удобная. Военный махнул рукой.

— Проходи. И если дальше снова остановят, не говори, что я тебя не предупреждал.

— Спасибо.

— Не благодари. Иди.

Я прошла. Не ускоряясь. Пять метров. Десять. Пятнадцать. Только за поворотом позволила себе выдохнуть. Вообще-то использование гипноза против человека без санкции считалось серьёзным преступлением. С другой стороны, на ориентировке уже было написано достаточно. Ещё одна строка вряд ли испортит композицию.

Ночной Джиних оказался красивым. Это раздражало. Я ожидала город, раздавленный оккупацией: тёмные улицы, блокпосты, разбитые окна, вооружённых людей на каждом углу. Блокпосты и вооружённые люди действительно были. Но между ними горели фонари. Работали насосы. По улице прошла машина коммунальной службы. На одном из зданий висели строительные леса, а рядом стоял новый генератор. Я заметила свежие трубы, уходившие под землю, и несколько участков дороги, которые явно ремонтировали совсем недавно. Небесный порядок не просто захватил город. Он его улучшал.

И одновременно превращал в место, где человек должен был заранее подумать, стоит ли ему выходить ночью из дома. После девяти улицы почти опустели. Редкие прохожие двигались быстро и явно знали, куда идут. Окна первых этажей были закрыты ставнями. На перекрёстках стояли патрули. И ориентировки. Очень много ориентировок.

Через полчаса у меня появилось стойкое ощущение, что военные и мои фотографии соревнуются за количество занимаемого пространства.

Пока побеждали фотографии.

На одной я выглядела особенно хорошо. Кто-то увеличил служебный снимок настолько сильно, что лицо распалось на пятна. Спасибо.

Я остановилась всего на секунду возле стены, чтобы прочитать обновлённый текст. Теперь там отдельно упоминалось, что я обладаю аномальными способностями и могу воздействовать на сознание.

Быстро работают. И неприятно точно.

Под фотографией Дениса появилось примечание о пространственных аномалиях и необходимости специальных средств фиксации.

Я отвела взгляд. Значит, его ещё не поймали. По крайней мере, если информация не устарела. Этого пока хватало.

До восточного района добралась без приключений. Дважды приходилось уходить во дворы, один раз ждать почти десять минут за мусорным контейнером, пока патруль закончит проверять какого-то мужчину, который, судя по громкости разговора, был сильно против.

Трамвайное депо нашлось быстро. Огромное тёмное здание стояло между мастерскими и старой линией, заросшей травой. Рядом действительно была лавка. Зелёная дверь. На стене соседнего дома — белый круг. Бармен не соврал. Не знаю, почему именно это меня удивило.

Я трижды постучала в боковую дверь. Никто не ответил. Подождала. Ещё несколько секунд. Дверь открылась ровно настолько, чтобы я увидела половину лица пожилой женщины.

— Закрыто.

— Мне сказали, здесь чинят часы.

Женщина посмотрела на меня. Не на лицо. Сначала на обувь. Потом на руки. Потом куда-то мне за спину. Проверяет хвост. Хорошо.

— Здесь часы не чинят, — сказала она спокойно.

Я ждала.

— Идите на улицу Каменную. Дом сорок два. Постучите в окно первого этажа и спросите Веру.

— А дальше?

Женщина наконец посмотрела прямо мне в лицо.

— Если бы вам нужно было знать дальше, я бы сказала.

Дверь закрылась. Я постояла перед ней. Замечательно. Новый Свет строил больницы. Сопротивление строило квесты.

Каждому своё.

Каменная оказалась на другом конце района. Дом сорок два — обычная старая пятиэтажка. Первый этаж почти полностью занимали закрытые помещения бывших магазинов. Я постучала в указанное окно. Через минуту появился мужчина лет тридцати пяти.

— Вери ишу.

— Она не работает по ночам.

— Мне сказали прийти сюда.

Он нахмурился.

— Кто?

— Женщина у трамвайного депо.

Мужчина ещё несколько секунд изучал меня, потом указал вдоль улицы.

— Через два квартала будет старая водонапорная башня. За ней склад инструментов. Подождёте возле северной стены десять минут. Потом идите на рынок и найдите киоск без вывески. Там спросите, есть ли сушёные яблоки.

Я не сразу ответила.

— Можно один вопрос? Вы сами понимаете, насколько это звучит издевательски?

Уголок его рта дрогнул.

— Если хотите попасть туда, куда вас ведут, лучше делать то, что говорят.

Он закрыл окно. Я пошла. На башне провела десять минут возле стены. Никто не пришёл. На рынке нашла киоск без вывески. Внутри сидел подросток лет шестнадцати, который выглядел так, будто его единственная связь с подпольем заключалась в хроническом недосыпе.

— Сушёные яблоки есть?

Он посмотрел на меня.

— Закончились.

— Когда будут?

— Завтра.

Я ждала. Парень вздохнул, открыл книгу, лежавшую перед ним, и, не поднимая глаз, произнёс:

— Южная площадь. Дом с голубыми ставнями. Войдёте во двор, сядете на скамейку. Если через пятнадцать минут никто не подойдёт, уходите.

Я наклонилась чуть ближе.

— Скажи мне одну вещь. Вы специально выбираете точки максимально далеко друг от друга?

Он перелистнул страницу.

— Я ничего не выбираю.

На южной площади ко мне действительно никто не подошёл. Я просидела положенные пятнадцать минут. Потом ещё две. Ушла. Через квартал меня догнала женщина в длинном пальто. Прошла рядом, даже не повернув головы.

— Не останавливайтесь.

Я продолжила идти.

— Куда теперь?

— Вниз по улице. На третьем перекрёстке направо. Через двести метров будет пекарня.

— И что спросить?

— Ничего.

— Уже прогресс.

Женщина едва заметно повернула голову.

— Вас проверяют.

Вот теперь я посмотрела на неё внимательнее.

— Это я уже поняла.

— Нет. Вы поняли, что вас гоняют по городу. Это не одно и то же. - Она говорила тихо, продолжая идти в том же темпе. — Каждый маршрут выводит вас на открытый участок. Каждый следующий человек получает возможность увидеть, идёт ли кто-нибудь следом. Если хвост появляется, цепочка обрывается. Если вы попытаетесь вернуться к предыдущей точке раньше времени, цепочка обрывается. Если начнёте задавать слишком много вопросов, тоже.

— Значит, этот разговор уже нарушение правил?

Женщина слегка улыбнулась.

— Я должна была понять, знаете ли вы, зачем всё это делается. Теперь знаю. - Она остановилась возле подъезда. — Идите к пекарне. Через дверь не входите. Обойдите сзади, там будет лестница в подвал. Спуститесь, подождите.

— Сколько?

— Пока вам не скажут дальше.

Она вошла в подъезд. Я осталась одна. Хорошо организовано. Раздражающе хорошо.

Система строилась так, чтобы никто не знал всей цепочки. Человек у зелёной двери не мог выдать конечную точку, даже если бы очень захотел. Маршрут менялся. Наблюдатели проверяли не только хвост, но и моё поведение. Красиво. Почти идеально. А значит, где-то обязательно должен быть дефект.

Обычно им оказывался человек.

В подвале пекарни пахло мукой и дрожжами. Я ждала почти двадцать минут. Наконец открылась дверь.

Вошёл мужчина лет шестидесяти, худой, с аккуратно подстриженными седыми волосами. Сначала закрыл дверь, потом поставил на стол маленькую лампу.

— Вы из поселения к северу?

Я напряглась.

— Почему вы так решили?

— Потому что час назад оттуда пришло сообщение о женщине, подходящей под вашу ориентировку. Чёрная куртка, рыжие волосы, способности. Военные считают, что вы двигаетесь к Джиноху.

Значит, время закончилось.

— Они знают, что я уже здесь?

— Пока нет. Но скоро будут считать именно так. - Он подошёл к маленькому окну под потолком и осторожно выглянул наружу. — Маршрут заканчиваем. Возвращайтесь к первой точке.

Я уставилась на него.

— Простите?

— К мастерским у депо.

— Я оттуда начала. Меня два часа гоняли через половину города, чтобы отправить обратно?

Мужчина посмотрел на меня спокойно.

— Если бы вас вели прямо туда, за вами могли бы прийти другие.

— А теперь не могут?

— Теперь четыре человека независимо друг от друга не заметили хвоста.

Я скрестила руки.

— Пять. Женщина по дороге к пекарне тоже проверяла.

В его лице мелькнуло что-то похожее на одобрение.

— Тогда пять.

Снаружи раздался далёкий звук двигателя. Мужчина поднял голову. Потом ещё один.

— Вам лучше идти сейчас.

— Есть другой маршрут?

— Есть. Но если военные уже подняли патрули, любой маршрут станет плохим через несколько минут.

— Очень обнадеживает.

Он погасил лампу.

— Мы занимаемся не надеждой.

Вышла через заднюю дверь. И почти сразу поняла, что опоздала. Город изменился. Не внешне. Ритмом.

Ещё десять минут назад патрули двигались равномерно. Теперь машины стояли на перекрёстках. Двое солдат проверяли документы у каждого прохожего. Возле аптеки трое остановили женщину примерно моего возраста и заставили снять капюшон. Слишком быстро. Связь работала хорошо. Военные тоже. Я отступила в тень подъезда.

На противоположной стороне улицы мужчина в форме держал переносной терминал.

— Женщина, около тридцати пяти, рыжие волосы, чёрная куртка, — говорил он двум солдатам. — Может менять маршрут, использовать аномалии. Не вступать в контакт по одному.

Вот это уже неприятно. Прямо сейчас весь Джинох искал женщину, которая выглядела ровно как я. Нужно было перестать выглядеть как я.

Желательно быстро.

Первый элемент нового образа шёл мне навстречу. Женщина лет сорока стояла возле ночного прилавка и спорила с продавцом о цене картофеля. На голове у неё был большой серый платок. Очень хороший платок. Я прошла мимо. Остановилась на полшага. Вернулась. Женщина размахивала руками и требовала объяснить, почему вчера картофель стоил дешевле. Она действительно была занята. Я осторожно сняла платок с её головы. Не дёрнула. Не сорвала. Просто подняла край, освободила узел и продолжила идти. Женщина не заметила. Я прошла метров пятнадцать. Сзади:

— Где мой платок?!

Простите. Когда-нибудь верну. Наверное.

Я свернула в переулок и быстро спрятала волосы. Платок оказался больше, чем нужно, зато закрывал почти всё лицо сбоку. Куртка оставалась проблемой. И тут судьба решила

помочь. На верёвке между двумя окнами сушилась одежда. Рубашка. Штаны. Полотенце. И пиджак. Коричневый. Мужской. Отвратительный.

Я остановилась. Посмотрела. Пиджак смотрел на меня. Некоторые вещи действительно хуже ареста.

На улице за углом прозвучал голос:

— Проверить двор!

Ладно. Я сняла куртку, свернула и затолкала за старую водосточную трубу.

Потом стянула пиджак с верёвки. Он оказался на два размера больше. Плечи свисали. Рукава закрывали пальцы. Цвет напоминал то, что обычно остаётся на дне кастрюли после неудачной попытки приготовить кашу. Идеально.

Я застегнула две пуговицы. Посмотрела на себя в тёмное стекло. Плохо. Слишком чистое лицо. Провела ладонью по стене. Сырая штукатурка, пыль, грязь. Размазала по щеке. Ещё немного по подбородку. Потом специально провела пальцами по брови. Сейчас я выглядела как человек, который проиграл драку зданию. Лучше.

Платок подтянула ниже. Пиджак расправила. Нет. Наоборот. Сутулиться. Укоротить шаг. Не двигать плечами так, как учили ликвидаторов. Самое сложное в маскировке оказалось не спрятать лицо. Перестать быть собой.

Я вышла. Навстречу шёл патруль. Сердце ускорилося. Шаг не менять. Один солдат посмотрел прямо на меня. Я посмотрела в ответ. Не испуганно. Раздражённо. Как человек, которого разбудили ночью, заставили куда-то идти, а теперь ещё рассматривают. Он скользнул взглядом по пиджаку. По платку. По грязному лицу. Отвернулся. Я прошла дальше.

Тридцать метров.

Пятьдесят.

Работает.

Чудовищный пиджак спасал мне жизнь. Придётся пересмотреть отношение к моде.

На следующем перекрёстке я услышала связь.

— Цель могла сменить одежду. Проверять женщин соответствующего роста независимо от цвета волос.

Вот и всё. У совершенства оказался срок годности.

Первую проверку удалось обойти через аптеку. Во вторую почти попала.

Третья началась без предупреждения. Военная машина остановилась прямо впереди. Из неё вышли четверо. Я сразу свернула во двор. Слишком быстро. Один заметил.

— Женщина!

Не реагировать.

— В коричневом!

Конечно. В этом городе не могло быть двух людей с настолько плохим вкусом. Я ускорила.

— Стоять!

Побежала. Короткие шаги стали обычными. Пиджак мешал. Рукава цеплялись за всё. Платок начал сползать. Сзади раздались шаги. Свернула налево. Тупик. Вернулась. Один солдат уже входил в проход. Я ударила телекинезом по металлической двери рядом с ним. Она распахнулась прямо ему под ноги. Он отшатнулся. Я проскочила.

— Это она!

Вот теперь весь маскарад официально закончился. Платок слетел сам. Я оставила его на земле. Простите ещё раз. Через двор. Через низкий забор. Прыжок. Пиджак зацепился за доску. Я рванула. Ткань треснула. Стало лучше.

Слева лестница. Наверх. Через галерею второго этажа. Внизу прошли двое.

— Север перекрыть!

— Она идёт к депо!

Чёрт.

Они поняли направление. Сопротивление тоже могло это услышать. Если военные стягиваются к мастерским, возвращаться туда нельзя. Но если не вернуться, я теряю единственный контакт. Прекрасный выбор. Я спустилась с другой стороны здания. Впереди патруль. Назад.

Ещё один.

Улица превращалась в ловушку быстрее, чем я успевала менять маршрут. Не идти туда, куда ведут. Это я усвоила.

Поэтому, когда справа появились двое военных и начали отрезать проход к депо, я побежала в противоположную сторону.

В переулок. Потом через двор. Ещё один. Мимо мусорных баков.

За спиной кто-то выстрелил. Не по мне. Пуля ударила в стену впереди.

— Стоять!

В этот раз просьба показалась неубедительной. Я свернула. И почти врезалась в военного.

Он стоял в узком проходе между двумя домами.

Один.

Полная форма. Шлем. Тёмное забрало поднято, но лицо скрывала тень. Вот человек, которого явно не учили правилам работы с опасными архами. Он не поднял оружие. Просто шагнул вперёд. Я не стала ждать. Ударил первой. Он ушёл в сторону. Слишком легко. Попыталась сбить колено. Перехватил ногу. Я развернулась, ударила локтем. Блок. Он двигался хорошо. Не просто хорошо. Знакомо. Мы обменялись ещё двумя ударами. Я отступила.

— Сними шлем.

Он молчал.

— Я серьёзно.

Сзади уже слышались голоса. Военный атаковал. Быстро. Лево́й рукой перехватил мою запястье, правой попытался развернуть к стене. Я дёрнулась. Он использовал движение, чтобы сместиться мне за спину. Знал. Он знал, что я так делаю. Я ударила затылком назад. Он успел отвернуть голову. Край шлема скользнул по моей макушке. Больно.

— Сволочь.

Ответа не было. Я наступила ему на ногу. Он отпустил руку. Ударил в корпус. Он принял. Потом зачем-то позволил мне отойти. Не добил. Не достал оружие. Не вызвал остальных. Очень странный военный.

Я посмотрела внимательнее.

Рост. Плечи. Манера держать левую руку чуть ниже после удара.

Нет. Не может быть.

Он снова пошёл вперёд. Я ударила телекинезом. Не сильно. Достаточно, чтобы сбить равновесие.

Он качнулся, но вместо падения каким-то образом сместился в сторону — пространство вокруг ботинка едва заметно дрогнуло.

Я замерла.

Фиолетовая рябь исчезла почти мгновенно.

Ах ты...

Я бросилась на него. На этот раз уже без осторожности. Он, кажется, даже не ожидал. Удар. Ещё. Шлем сдвинулся. Я схватила его за край и дёрнула. Он попытался удержать. Поздно. Шлем упал на мостовую.

Тёмные волосы. Знакомое лицо. Фиолетовые глаза. И улыбка. Та самая.

Я смотрела на него. Он на меня. Несколько секунд город исчез. Патрули. Ориентировки. Небесный порядок. Сопротивление.

Осталось только лицо, которое я месяц представляла то мёртвым, то раненым, то закрытым где-нибудь в камере.

Денис улыбался. Я медленно вдохнула.

— Ты.

Он ничего не сказал. Улыбка стала шире.

— Даже не смей.

Он послушно закрыл рот. Я шагнула к нему.

— Я месяц не знала, где ты. Тебя разыскивают по всему городу. Меня разыскивают по всему городу. Я два часа бегала по Джиноху за людьми, которые решили, что лучший способ найти Сопротивление — сначала довести меня до нервного срыва, потом полгорода поднялось на ноги, я украла платок, потеряла куртку, надела вот это...

Я схватила полы пиджака.

— ...и после всего этого ты решил, что самое разумное — надеть шлем и напасть на меня в переулке?

Денис продолжал молчать. И улыбаться.

— Перестань.

Не перестал. Я толкнула его в грудь. Он отступил на шаг.

— Денис.

Молчание.

— Я серьёзно.

Я пнула его по голени. Он поморщился. Улыбка осталась.

— Теперь лучше?

— Нет.

— Тогда продолжай.

Вот теперь я разозлилась по-настоящему.

— Ты вообще понимаешь, что я думала? Я не знала, успел ли ты уйти. Не знала, поймали тебя или нет. Потом очнулась через месяц, приехала сюда и первым делом увидела твою физиономию на ориентировке с предупреждением, что тебя нужно фиксировать специальными средствами. Я решила, что хотя бы это означает, что ты жив, потому что искать труп обычно бессмысленно, но с нашим везением даже в этом уверена не была.

Улыбка исчезла. Не сразу. Просто стала тише.

Денис посмотрел на меня так, как смотрел редко — без попытки смягчить момент шуткой. Я хотела сказать ещё что-то. Очень многое. Но слова вдруг закончились. Он подошёл. На этот раз я не ударила. Просто стояла. Денис обнял меня сам. Крепко.

Одна рука легла между лопаток, вторая на затылок. Так, будто он тоже проверял, что я действительно здесь, а не очередная версия, которую успел придумать за этот месяц. Несколько секунд мы молчали.

Потом он тихо сказал мне в волосы:

— Как же я по этому скучал.

И вот тогда я всё-таки обняла его в ответ. Совсем ненадолго. Потом отстранилась.

— Это ничего не отменяет.

— Я даже не надеялся.

— И швабр не хватает.

Он посмотрел на меня.

— Я искал подходящую кладовку. В городе кризис.

— Ещё слово — и я снова тебя пну.

Денис поднял руки. На этот раз замолчал вовремя. С улицы донёсся голос. Мы оба одновременно повернули головы. Работа вернулась быстрее эмоций.

— Здесь нельзя оставаться, — сказал Денис уже другим тоном. — Через три минуты этот квартал кроют полностью. Идём.

— Куда?

— Туда, где ты наконец перестанешь привлекать весь Джинох.

— Это они начали!

— Разберёмся позже.

Мы побежали.

Денис вывел меня через два двора, потом в старое техническое помещение под жилым домом. Дверь открыл чужим ключом. Внутри было темно. Он включил маленькую лампу. Я огляделась. Трубы. Стеллаж. Ящики.

Ни одной швабры.

— Разочарована?

— Очень.

Он снял куртку военного и бросил её на ящик. Под формой была обычная тёмная одежда.

— Ты где это взял?

— Купил.

Я посмотрела на него.

— Форму Небесного порядка?

— Не саму форму. Человека, который согласился на пару часов забыть, где она лежит.

— Очень нравственно.

— Я переживу.

Он сел на край стола и провёл пальцем по губе. На коже осталась кровь. Это сделала я. Почему-то стало немного неловко. Совсем немного.

— Сильно?

— Ты правда сейчас спрашиваешь?

— Могу перестать.

Я сняла пиджак. Посмотрела на него. Потом на Дениса.

— Если засмеёшься, я уйду.

— Я видел тебя в худших состояниях.

— Назови хоть одно.

Он задумался.

— После канализации.

— Там хотя бы была причина.

— Здесь тоже.

Я свернула пиджак и положила рядом. Тишина стала плотнее. Теперь, когда мы больше не бежали, вопросов оказалось слишком много. Я первой нарушила молчание.

— Ты где вообще был?

Денис опустил взгляд на свои руки. На костяшках тоже были свежие ссадины. Несколько секунд он молчал, будто решал, сколько из ответа можно уместить в одну фразу.

— Последние несколько дней здесь. До этого — у Сопротивления.

— Значит, контакт настоящий. Тогда почему ты не с ними?

Он поднял голову.

— Потому что я от них сбежал.

Я некоторое время просто смотрела.

— Ты сейчас не шутишь.

— Нет.

— От Сопротивления.

— Именно.

Я провела ладонью по лицу и вспомнила, что половина щеки всё ещё покрыта грязью. Прекрасно.

— Хорошо. Я готова услышать объяснение, после которого это начнёт звучать разумно.

Денис оттолкнулся от стола и прошёл к двери. Прислушался. Потом вернулся, но садиться уже не стал.

— После смерти Суры всё произошло быстрее, чем кто-либо ожидал. Военные забрали управление комплексом почти сразу. Остатки культа подчинились им — часть добровольно, часть потому, что выбирать особенно не пришлось. Через несколько дней начались обращения к внешним городам, потом колонны вышли из Нового Света. Соппротивление решило, что это момент, которого они ждали много лет.

— И мы каким-то образом оказались в центре этого момента.

Денис посмотрел на меня чуть дольше, чем требовал вопрос.

— Ты исчезла. Никто не знал, где ты и жива ли вообще. Я добрался до их людей через два дня, потому что мне нужно было понять, не нашли ли тебя они. Не нашли. Зато очень быстро выяснилось, что отсутствие настоящей Деметры совершенно не мешает существованию Деметры, которую они себе придумали.

Мне уже не нравилось направление.

— Насколько придумали?

Он вздохнул.

— Сначала всё было терпимо. Ты отказалась участвовать в Ренессансе, выступила против Суры, помогла сорвать её план. Факты. Потом люди начали рассказывать эти факты друг другу. Через неделю выяснилось, что ты сознательно проникла в Новый Свет, чтобы уничтожить систему изнутри.

— Что?

— Я тоже удивился. Ещё через несколько дней оказалось, что мы с тобой давно работали на Соппротивление и только ждали возможности нанести удар.

— Денис.

— Я не закончил.

Вот это прозвучало нехорошо. Он помолчал и продолжил уже спокойнее:

— Появились листовки. Истории. Кто-то написал текст о дочери Суры, которая отвергла наследие матери ради свободы людей. Очень красиво. Особенно если не знать тебя.

Я медленно опустила на ящик.

— Они используют моё имя.

— Да. И моё тоже. Меня превратили в человека, который всегда понимал, чем является Новый Свет, сознательно вошёл в доверие к культу и пожертвовал всем ради борьбы. Я попытался объяснить, что половину времени вообще не понимал, кто кому врёт и почему. Мне ответили, что детали не должны разрушать общий смысл.

Я смотрела на него. Он усмехнулся, но без веселья.

— Тогда я впервые услышал речь о самом себе. Очень вдохновляющую. Узнал много нового.

— Ты пытался это остановить?

Денис медленно кивнул.

— Сначала нормально. Объяснял, что нельзя выдавать предположения за факты. Потом потребовал убрать моё имя. Потом сказал, что ты точно не дала бы согласия использовать своё. Мне ответили, что сейчас речь не о личном согласии, а о том, что людям нужен символ.

Что-то внутри неприятно сжалось.

— Они так и сказали?

— Почти дословно.

Я встала. Не могла сидеть. Прошла несколько шагов и остановилась возле стены. Слишком знакомая логика. Человеку объясняют, что его собственное мнение временно менее важно, чем польза, которую можно извлечь из его существования. Меняются только слова.

— Военные называют меня террористкой и убийцей матери. Эти называют героем революции. И ни одни не подумали спросить, кем я являюсь сама.

— Вот примерно на этом месте я тоже перестал видеть принципиальную разницу.

Я повернулась.

— И просто ушёл?

Денис помедлил.

— Не сразу. Я хотел остаться хотя бы потому, что через них можно было найти тебя. Потом стало ясно, что они уже начали использовать даже моё присутствие как доказательство собственных слов. Если я спорил — объясняли, что я травмирован и пока не понимаю собственной роли. Если отказывался выступать — говорили, что настоящие герои всегда скромны. Когда твоё несогласие становится ещё одним подтверждением чужой версии тебя, спор теряет смысл.

Вот это было хуже листовок. Я замолчала. Денис подошёл ближе, но дистанцию оставил.

— Поэтому я ушёл. Не демонстративно. Просто перестал возвращаться.

— И теперь живёшь в военной форме.

— Иногда. Она удобная.

— Ты не исправим.

— Это уже обсуждалось.

Я посмотрела на дверь. В голове постепенно складывались следующие шаги.

— Надо вернуться.

Денис несколько секунд не отвечал.

— К Сопротивлению? Я только что довольно подробно объяснил, почему оттуда ушёл.

— Я услышала. Поэтому и надо вернуться.

Он слегка нахмурился. Я продолжила:

— Пока я молчу, их версия будет только расти. Завтра я окончательно превращусь в человека, который с детства мечтал свергнуть собственную мать, послезавтра выяснится, что лично основала Сопротивление, а через неделю меня наверняка убьют героической смертью где-нибудь там, где я никогда не была. Я не собираюсь позволять им распоряжаться моей жизнью только потому, что их версия обо мне выглядит приятнее военной.

Денис внимательно слушал. Не перебивал. И именно поэтому я договорила всё, что действительно хотела сказать.

— Кроме того, мне нужен Ксилон. Ирма, Данила и Антон там?

Его лицо изменилось. Совсем немного. Разговор сразу стал серьёзнее.

— Последние сведения, которые я получил, — да. Они остались в Ксилоне. После того, что началось вокруг Джиниха, прямые маршруты стали почти бесполезны. Военные контролируют основные дороги, а через территории между городами сейчас ходят либо их колонны, либо люди, которые очень не любят незнакомцев. У Сопротивления есть свои каналы.

— Значит, тем более возвращаемся.

Денис отвёл взгляд к лампе.

— Есть одна проблема.

— Только одна? Уже отличный день.

— Они будут очень рады тебя увидеть.

Мне не понравилось, как он это произнёс.

— Насколько рады?

— Представь человека, который месяц строил легенду о великом герое, а потом герой входит в дверь живым.

Я помолчала.

— И говорит, что легенда идиотская.

— Вот поэтому я и соскучился.

Я посмотрела на него. Денис улыбнулся. Не широко. Просто знакомо. На этот раз я не стала ругаться.

— Идём.

Он поднял военную куртку:

— Сейчас?

— Пока весь город ищет меня, а Соппротивление наверняка уже знает, что я здесь. Если ждать до утра, людей на улицах станет больше, ориентировок тоже. К тому же я два часа проходила их идеальную проверку. Хочу хотя бы узнать, ради чего.

Денис надел куртку, застегнул ворот и посмотрел на мой пиджак.

— Его тоже берём?

Я взяла коричневое чудовище двумя пальцами.

— Он спас мне жизнь. Прояви уважение.

— Тогда ему следует дать имя.

— Не начинай.

Он открыл дверь, но, прежде чем выйти, остановился.

— Дема.

Я подняла глаза. Он стоял уже без улыбки.

— Я правда думал, что ты погибла.

Это была первая фраза за весь разговор, после которой я не нашла ответа сразу. Денис не ждал. Только слегка сжал пальцы на дверной ручке.

— Потом решил, что пока не увижу тело, буду считать иначе. Очень удобная система. Не рекомендую.

Я подошла ближе.

— Я тоже считала тебя живым по ориентировкам.

— Ещё надёжнее.

— Мы оба профессионалы.

— Очевидно.

Я положила ладонь ему на руку. Не обняла. Просто задержала на секунду. Денис посмотрел на мои пальцы, потом на меня.

— Теперь увидел.

И только после этого открыл дверь. Снаружи Джинох всё ещё был тихим. Чёртовски опасным. Где-то вдаль проехала военная машина. На стене напротив висела моя ориентировка. Рядом — Дениса. Две чужие версии нас смотрели на улицу одинаково серьёзными лицами.

Я натянула отвратительный коричневый пиджак.

— Куда?

Денис надел шлем.

— Обратно к зелёной двери.

Я закрыла глаза и застонала в раздражении. Уже успела правила веселого квеста.

Несколько часов беготни по городу, погоня, украденный платок, военная операция, почти сломанная челюсть Дениса — и в итоге мы возвращались туда, откуда я начала.

Идеальная система.

Если не считать людей внутри неё.

Мы вышли в ночь.

Глава V

Удушающая сладость

Зелёная дверь открылась прежде, чем мы успели постучать.

Та же женщина, которая несколько часов назад отправила меня путешествовать по ночному Джиноху в поисках сушёных яблок и людей, не желавших отвечать на прямые вопросы, сначала посмотрела на меня. Потом на Дениса. Потом снова на меня.

Её лицо осталось почти неподвижным, но ладонь на дверной ручке сжалась сильнее.

— Заходите.

Ни удивления. Ни «мы знали». Уже хорошо. Мы вошли. Женщина закрыла дверь, повернула два замка и только тогда посмотрела на коричневый пиджак, который я всё ещё несла под мышкой.

— Это обязательно?

— Он много для меня сделал.

Денис кашлянул в кулак. Я посмотрела на него.

Женщина перевела взгляд с меня на него и, кажется, впервые поняла, что легенды в подполье распространяются значительно удачнее, чем чувство собственного достоинства их главных персонажей.

— За мной.

Она провела нас через мастерскую. Теперь я увидела, что здесь действительно что-то ремонтировали. На столах лежали разобранные приборы, провода, старые платы, несколько механических часов. Значит, условная фраза была не полностью условной.

У задней стены женщина отодвинула высокий шкаф.

За ним обнаружилась металлическая дверь.

— Конечно, — пробормотала я. — А я уже начала переживать, что обойдёмся без тайного прохода.

Денис слегка коснулся моего локтя.

— Подожди до лестницы.

Я повернулась.

— Ты там уже был?

— Несколько раз.

— И всё это время мог просто привести меня сюда?

— Я тебя нашёл после того, как ты прошла проверку. Не портить же людям два часа работы.

Женщина открыла дверь. За ней действительно была лестница. Очень длинная.

Я посмотрела на Дениса.

— Ненавижу тебя.

Мы начали спускаться. Сначала один пролёт. Потом второй. На третьем стены из бетона сменились старой кирпичной кладкой. Воздух стал холоднее и влажнее. Где-то внизу работала вентиляция — гул шёл по трубам, будто под городом спало что-то большое и очень недовольное.

На пятом пролёте появилась площадка. Я решила, что мы пришли. Ошиблась. Женщина открыла ещё одну дверь. За ней был коридор. И люди. Сначала немного. Двое мужчин несли коробки. Девушка с перевязанным запястьем сидела на полу возле стены и перебирала аптечные упаковки. В нише кто-то устроил маленький стол из старой двери, положенной на ящики. Дальше коридор расширился. Появились боковые помещения.

Потом ещё один проход. Ещё. Я замедлила шаг.

— Это всё ваши?

Женщина не обернулась.

— Смотря что считать нашими.

— Людей.

— Тогда большинство.

Мы прошли через бывшее складское помещение. Там спали. Матрасы лежали прямо на полу, настолько близко друг к другу, что между ними оставались узкие дорожки. Кто-то натянул верёвки и развесил простыни, превращая пространство в подобие отдельных комнат. На одном матрасе спал старик. Рядом женщина кормила маленького ребёнка из бутылочки.

Чуть дальше мальчик лет двенадцати сидел под лампой и читал книгу, зажав колени между локтями.

Я перестала разглядывать стены. Людей было слишком много.

— Я думала, здесь база, — сказала я тихо.

Женщина наконец повернула голову.

— База дальше.

— А это?

— Город.

По её голосу я поняла: слово здесь давно перестало быть красивой метафорой.

Город под городом оказался настоящим.

Не в хорошем смысле.

Под Джинохом ещё до Архангела существовала огромная система технических помещений: старые подвалы заводов, коммуникационные тоннели, убежища, склады, часть заброшенной линии метро, которую так и не успели нормально запустить. После войны что-то использовали, что-то забыли, что-то засыпали. Соппротивление вспомнило обо всём. В одном помещении устроили кухню. В другом медпункт. Третий превратили в склад.

Дальше находилось пространство, которое можно было бы назвать детской комнатой, если бы слово «комната» не предполагало наличия окон и хотя бы одной стены без труб. На полу лежал старый ковёр. Несколько детей рисовали. Рядом девушка лет семнадцати читала им вслух. Я прошла мимо и заметила рисунки на стене. Дом. Солнце. Собака. Танк. Нормальное детство. Дальше стало хуже. У стены сидели трое мужчин с автоматами. Один разбирал оружие, второй считал магазины.

Не много. Совсем не много. Один из ящиков был открыт. Почти пустой.

Я посмотрела на Дениса. Он заметил.

— Да.

Одного слова хватило. В экшне короткие ответы полезны. Перед пустым ящиком с боеприпасами тоже. Мы пошли дальше.

— Сколько здесь людей? — спросила я женщину.

— Внизу сейчас около семисот.

Я остановилась.

— Семисот?

— В разных секторах. Часть уходит наверх днём. Те, кому ещё можно. Остальные остаются.

— Почему?

Она тоже остановилась. В этот раз ответила не сразу.

— Потому что кого-то ищут. На кого-то написали донос. Кто-то отказался вступать в Порядок и слишком громко объяснил причину. У кого-то забрали мужа, жену или ребёнка, а потом пришли за остальными. Есть семьи людей из наших групп. Есть те, кому вообще никто ничего не предъявлял, но они поняли, чем закончится следующая проверка документов.

Она посмотрела на помещение, где дети продолжали рисовать.

— В первые дни сюда приходили бойцы. Теперь чаще приходят их семьи.

Мне стало неприятно. Не потому, что я не знала, как работает давление. Потому что три недели назад здесь ничего этого не было. Три недели. Новый Свет успел за это время построить больницу. И город под ней. Очень эффективное государство. Я пошла дальше.

Первым меня узнал мальчик. Лет десяти. Он сидел на ящике возле кухни и ел что-то из металлической миски. Я почувствовала его взгляд, но не придала значения. Потом он перестал жевать. Ложка застыла возле рта.

— Мам.

Женщина рядом продолжала раскладывать хлеб.

— Что?

Мальчик ничего не ответил. Просто показал на меня. Плохо. Я уже знала это выражение. Так люди смотрели на ориентировки. Только там обычно присутствовал страх. Здесь было другое. Женщина подняла голову. Её лицо изменилось почти мгновенно.

— Деметра?

Коридор словно стал тише. Не сразу. Сначала кто-то рядом повернулся. Потом ещё двое. Имя пошло дальше без крика.

— Это она?

— Где?

— С Денисом.

— Они живы.

Последняя фраза оказалась хуже всех. Люди начали выходить из помещений. Не толпой. Никто не бросился ко мне. И от этого было только тяжелее. Мужчина возле стены улыбнулся. Женщина, державшая ребёнка, прижала ладонь ко рту. Старик поднялся со стула. У кого-то просто расправились плечи. Как будто моё появление физически изменило воздух. Я посмотрела на Дениса. Он не улыбался. Вот теперь я поняла, почему он сбежал.

— Не надо, — сказала я тихо.

Он наклонился ко мне.

— Им или мне?

— Всем.

Поздно. К нам уже шёл мужчина лет сорока пяти. Высокий, худой, с глубокой складкой между бровями. В отличие от большинства людей вокруг, он был чисто выбрит. Значит, либо руководитель, либо человек с очень странными приоритетами.

— Деметра Князевская.

Он остановился в нескольких шагах. Не протянул руку. За это я была благодарна.

— Я Сергей. Координирую этот сектор. Мы знали, что вы могли направиться к Джиноху, но после того, как связь из северного поселения сообщила о вас, начали опасаться, что Порядок успеет раньше.

— Не успел.

— Я вижу.

Он перевёл взгляд на Дениса.

— А ты всё-таки вернулся.

— Временно.

Сергей чуть усмехнулся.

— Ты и в прошлый раз так говорил.

Я подняла руку.

— Прежде чем мы пойдём дальше, давайте сразу договоримся об одной вещи.

Сергей посмотрел на меня внимательно.

— Какой?

Я оглянулась. Люди всё ещё стояли вокруг. Слишком много.

— Я не тот человек, которого вы здесь ждали.

Кто-то в толпе тихо рассмеялся. Не зло. Тепло. Будто я сказала именно то, что от меня и ожидали. Очень плохой знак. Сергей тоже улыбнулся едва заметно.

— Это мы уже слышали от Дениса.

— Тогда он, возможно, впервые в жизни объяснил всё достаточно понятно.

Денис вздохнул. Я продолжила:

— Я не работала на Сопротивление. Я не проникала в Новый Свет по вашему заданию. Я не планировала убивать Суру, не собиралась начинать никакую революцию и вообще большую часть времени пыталась понять, что происходит вокруг меня. Поэтому если здесь ходит другая версия, она неправильная.

Сергей выслушал. Не перебивал. Мне почти стало легче. Потом женщина где-то слева произнесла:

— Именно поэтому вы и смогли сделать то, что сделали.

Я повернулась. Она стояла рядом с подростком. На руке бинт.

— Простите?

Женщина чуть смутилась от общего внимания, но продолжила:

— Вы не шли туда за властью. Не хотели стать лидером. Вы просто отказались позволить им решать за вас. Разве не в этом смысл?

Нет.

Да.

Чёрт.

— Смысл был в том, что я хотела сама выбрать, что делать со своей жизнью.

— Вот именно.

Это сказал уже мужчина с оружием. Я посмотрела на Дениса. Он едва заметно развёл руками.

Я предупреждал.

Ненавижу, когда люди предупреждают правильно.

— Нет, — сказала я. — Не «вот именно». Я говорю о себе. Не о движении. Не о городе. Не о революции. Сергей слегка наклонил голову.

— Иногда человек делает что-то для себя, а потом выясняется, что другим это тоже было нужно.

— Это не превращает его автоматически в их представителя.

— Конечно.

— Тогда уберите моё имя с ваших материалов.

Пауза. Вот теперь стало тихо по-настоящему. Сергей посмотрел на людей вокруг. Потом снова на меня.

— Об этом лучше поговорить не здесь.

— Почему? Они уже всё слышали.

— Именно поэтому.

Я сжала зубы. Денис осторожно коснулся моей спины. Не удерживая. Просто напоминая, что стоит рядом. Я не оттолкнула. Сергей указал дальше по коридору.

— Пойдёмте. Вам нужно отдохнуть. И поговорить.

— Мне не нужен отдых.

Денис тихо произнёс:

— Нужен.

Я повернулась.

— Не начинай.

— Не начинаю. Ты не спала нормально больше суток.

— Я месяц спала.

— Это не считается.

Сергей наблюдал за нами с выражением человека, которому только что бесплатно подтвердили половину местных легенд. Я заметила.

— И вот это тоже прекратите.

Он моргнул.

— Что?

— Смотреть так, будто сейчас записываете новую главу героического эпоса.

У Дениса дёрнулся уголок рта. Я ткнула его локтем.

— Тебя касается особенно.

Нас не удалось провести тихо. Чем дальше мы шли, тем больше людей узнавали. Кто-то просто кивал. Кто-то подходил ближе. Несколько раз Сергей просил освободить проход. Один мужчина протянул Денису руку. Тот пожал. Женщина поблагодарила меня за что-то, чего я не делала. Я пыталась поправить. Она улыбнулась и сказала:

— Вы всё равно вернулись.

Вот так. Непробиваемо. Потом появилась девочка. Она стояла возле стены вместе с матерью. Лет девять или десять. Светлые волосы собраны в две косы. На кофте нарисован зелёный медведь. Когда мы проходили, девочка шагнула вперёд. Мать попыталась её остановить.

— Лера.

— Я только...

Она держала в руках маленький кусок бумаги, сложенный несколько раз. Протянула мне. Я посмотрела на Сергея. Он ничего не сказал. Пришлось взять. На бумаге был нарисован человек с рыжими волосами. Я. Наверное. Рядом стоял второй, тёмноволосый. Денис выглянул через плечо.

— Мне польстили больше.

Я наступила ему на ногу. Девочка улыбнулась.

— Мама сказала, вы не дали им сделать из вас то, что они хотели.

Я перестала улыбаться. Вот. Вот она. Фраза, от которой нельзя было отмахнуться. Потому что это действительно произошло. Только совсем не так, как они здесь это понимали. Я присела перед девочкой.

— Твоя мама немного упростила.

Женщина рядом напряглась. Девочка спросила:

— А вы всё равно не дали?

Я посмотрела на неё.

— Не дала.

— Тогда нормально.

Логика ребёнка победила. Она показала на рисунок.

— Можно оставить вам?

Я хотела отказаться. Правда хотела. Потом увидела, как женщина рядом держит дочь за плечо. На запястье след от старой стяжки. Тонкая красная полоса. Я сложила бумагу.

— Можно.

Девочка улыбнулась так широко, будто получила что-то сама. Мы пошли дальше. Бумага осталась у меня в руке. Мне хотелось её спрятать. И хотелось выбросить. И ещё больше хотелось вернуться и объяснить девочке, что я не способна гарантировать ей ничего из того, во что она сейчас верит.

Не вернулась.

Нам показали медпункт. Не специально. Он просто находился по дороге. Шесть коек. На восьмерых пациентов. Один лежал на полу. Врач — женщина чуть старше Ирмы — промывала рану на плече мужчине, который сжимал зубами край полотенца. На столе осталось несколько упаковок антибиотиков.

Мало.

Дальше был оружейный склад. Там тоже мало.

Потом помещение связи. Две радиостанции. Одна разобрана. Оператор сидел возле второй и записывал что-то в тетрадь.

Везде одно и то же. Людей много. Ресурсов мало. Надежды почему-то больше всего. И значительная её часть теперь шла за мной по коридору. Я чувствовала это почти физически. Сладкий запах дешёвой каши с кухни. Тёплый воздух. Шёпот. Улыбки. Чужая вера. От неё становилось трудно дышать. На какое-то мгновение я поймала себя на совершенно отвратительной мысли.

Лучше бы они меня ненавидели. С ненавистью проще. Она ничего от тебя не просит, кроме возможности ненавидеть в ответ.

А эти люди смотрели так, будто я им что-то вернула.

Хотя я даже не знала, что именно.

Сергей привёл нас в небольшое помещение в стороне от основного коридора. Там стоял стол. Несколько стульев. На стене карта Джинوخа. Рядом карта территории между Джинохом и Ксилоном. Вот это уже было интересно.

За столом сидели ещё трое. Женщина лет пятидесяти с короткими седыми волосами. Молодой мужчина с перевязанной ладонью. И тот самый старик, которого я видела возле оружейного склада. Мы с Денисом сели напротив. Сергей остался стоять.

— Начнём с того, что вам нужно.

Спасибо. Наконец разговор, в котором люди интересуются не моей символической ценностью.

— Ксилон, — сказала я. — Нам нужно попасть туда как можно быстрее.

Женщина коротко переглянулась с Сергеем.

— Зачем?

— Там наши люди. Ирма, Данила и Антон.

— Мы знаем.

Я подняла бровь.

— Тогда зачем спрашивать?

— Хочу услышать от вас.

Хорошо.

— Потому что мы не видели их больше месяца. Потому что Джинох уже занят, Новый Свет вышел за свои границы, а я понятия не имею, что сейчас происходит в Ксилоне. И потому что перед тем, как решать судьбу человечества, я предпочитаю хотя бы собрать всех людей, с которыми собираюсь спорить о способе.

Старик тихо усмехнулся. Женщина осталась серьёзной.

— Ксилон пока не под Небесным порядком. Но подходы контролируются. Основные дороги просматриваются. После оккупации Джинوخа они усилили северо-восточные маршруты.

Денис наклонился над картой.

— Южная дорога?

Молодой мужчина покачал головой.

— Два поста. Один мобильный. Меняют позицию каждые несколько дней.

— Старый промышленный путь?

— Завален в трёх местах. Мы используем часть, но до Ксилона он не идёт.

Денис провёл пальцем по карте.

— Здесь?

Женщина посмотрела.

— Возможно. Есть люди, которые могут провести через поселения к востоку. Потом придётся менять транспорт.

— Документы? — спросила я.

— Сделаем.

— Нас ищут по всему городу.

— Поэтому обычные не подойдут. Нужно менять не только имена, но и биографические данные, маршрутные разрешения. Понадобится время.

— Сколько?

— Два дня. Возможно три.

Мне не понравилось. Но выбирать было особо не из чего.

— Хорошо.

Сергей опёрся ладонями о спинку стула.

— Есть ещё один вопрос.

Вот оно. Я уже знала.

— Мои плакаты.

Он чуть нахмурился. Женщина рядом с ним сложила руки на столе.

— Деметра, сейчас ваше имя работает на людей сильнее любой нашей агитации.

— Именно это меня и беспокоит.

— Почему?

Я посмотрела на неё.

— Потому что это моё имя.

— Никто не пытается его у вас отнять.

— Вы буквально рассказываете другим людям, кто я, зачем я что-то сделала и чего хочу дальше. Причём без моего участия. Как ещё это назвать?

Она выдержала мой взгляд.

— Мы рассказываем историю, которая уже произошла.

— Нет. Вы рассказываете версию.

— Любая история становится версией, когда её рассказывает другой человек.

— Тогда хотя бы не выдавайте свою за мою.

Сергей сел.

— Что конкретно вы хотите убрать?

— Всё, чего я не говорила. Я не состояла в Сопротивлении. Не участвовала в вашем плане. Не собиралась свергать Новый Свет. Не призывала людей идти за мной. Смерть Суры не была вашей операцией, и я не убивала её.

Никто не перебивал. Хорошо. Я продолжила:

— Если вы хотите говорить о том, что произошло, говорите. Но не делайте из меня человека, который сознательно пришёл сюда ради вашей войны.

Молодой мужчина посмотрел на Сергея. Тот медленно выдохнул.

— Проблема в том, что для большинства людей разница уже не имеет большого значения.

Вот это было настолько отвратительно знакомо, что я даже не сразу разозлилась.

— Для меня имеет.

— Я понимаю.

— Нет. Если бы понимали, мы бы не обсуждали, насколько моё мнение о собственной жизни удобно для вашей стратегии.

Женщина чуть подалась вперёд.

— А если убрать ваше имя сейчас, вы думаете, люди перестанут рассказывать эту историю?

— Не знаю. Но хотя бы вы перестанете её распространять.

— Возможно. А потом?

— Что «потом»?

Она указала куда-то за стену.

— Вы видели этих людей. Тех, кто пришёл сюда после арестов. Тех, кто оставил дома. Тех, кто не знает, вернутся ли их близкие. Три недели назад большинство из них даже не знало, существует ли Новый Свет. Потом армия легендарного города вошла в Джинох и за несколько

дней стала властью. Люди увидели технику, которой у нас нет. Медицину, которой у нас нет. Оружие, которое мы не можем себе позволить. Они смотрят вверх и видят систему, против которой у нас почти ничего нет.

Она сделала короткую паузу.

— А потом слышат, что два человека вышли из самого Нового Света и отказались ему подчиниться.

— Это не делает нас вашим знаменем.

— Нет. Но для них делает доказательством.

Вот это попало. Я замолчала. Сергей заговорил мягче:

— Мы можем исправить факты. Убрать ложные детали. Не говорить, что вы действовали по нашему заданию. Но заставить людей перестать видеть в вас то, что они уже увидели, мы не можем.

Я посмотрела на Дениса. Он всё это время молчал. Не потому, что ему нечего было сказать. Ждал. Меня это раздражало.

— Ты специально не вмешиваешься?

— Да.

— Почему?

— Потому что этот разговор у меня уже был. Теперь ты должна решить сама, что думаешь.

Нормальный ответ. Поэтому особенно неприятный. Я снова посмотрела на людей напротив.

— Исправьте то, что можете.

Сергей кивнул.

— Сделаем.

— И никаких речей от моего имени.

— Без вашего согласия — нет.

Вот это уже звучало лучше. Но не достаточно.

— И я не буду выступать.

Молодой мужчина нахмурился.

— Никто пока не просил.

— Значит, мы сэкономили время.

Сергей улыбнулся.

— Денис действительно говорил, что разговор будет примерно таким.

Я повернулась к нему.

— Что именно ты говорил?

— Что сначала ты потребуешь убрать всё, потом объяснишь, почему все неправы, потом разозлишься, что аргументы не работают.

— И дальше?

— Дальше не знал.

Я посмотрела на сложенный рисунок в руке.

Я тоже не знала.

Нас оставили ненадолго.

Нужно было подготовить помещение, документы, решить, куда нас вообще можно спрятать так, чтобы информация о возвращении не ушла наверх в течение часа.

Мы вышли. И снова попали в людей. Теперь новость распространилась окончательно. Мне улыбались. Не все. Кто-то просто смотрел. Но даже это было хуже. Я заметила женщину, которая сидела возле стены и зашивала детскую куртку. Перед ней лежала стопка одежды. Она подняла голову, увидела меня и сказала соседке:

— Значит, не зря держимся.

Я прошла мимо. Через несколько метров остановилась. Не зря. Из-за меня? Нет. Не из-за меня. Но именно так она сказала. Денис тоже остановился.

— Не надо возвращаться.

— Я ничего не сказала.

— Поэтому и говорю.

— Они всё превращают в то, что хотят услышать.

— Да.

— Это ненормально.

Денис прислонился плечом к стене.

— Нормально. Неприятно, но нормально.

Я повернулась к нему.

— Очень удобная позиция человека, который уже сбежал.

Он не обиделся.

— Я сбежал потому, что пытался спорить с каждым. Потом понял, что людям здесь не нужен точный протокол наших действий. Им нужно доказательство, что Порядок не всесилен.

— И ради этого можно придумать всё остальное?

— Я этого не сказал.

— Но предлагаешь закрыть глаза.

Денис выпрямился.

— Я предлагаю понять, с чем именно ты воюешь. С их руководством можно спорить о фактах. С человеком, который две недели спит под землёй с детьми и не знает, вернётся ли домой, спорить о том, правильно ли он интерпретировал твою биографию, бессмысленно.

Я открыла рот. Закрыла. Посмотрела вокруг. Мальчик из кухни снова ел. Старик помогал кому-то тащить воду. Врач вышла из медпункта и устало прислонилась лбом к стене на несколько секунд, пока никто не видел.

И вдруг стало понятно. Не приятно. Не правильно. Просто понятно.

У них почти ничего не осталось. Дом наверху мог быть уже занят. Работа потеряна. Документы аннулированы. Родственник в тюрьме. Оружия мало. Людей мало. Армия давит с каждой стороны.

А где-то в этой конструкции существовала история про двух человек, которые зашли в Новый Свет и вышли оттуда, не став тем, чем их хотели сделать.

История была удобной. Неполной. Местами откровенно ложной.

Но она была единственным, что нельзя конфисковать на блокпосте.

Вера.

Я ненавидела эту мысль. Потому что после неё злиться стало значительно сложнее.

— Чёрт, — сказала я.

Денис не спрашивал. Он и так понял.

— Вот именно.

— Не говори так, будто выиграл.

— Я ничего не выиграл.

И в этом тоже была проблема.

Комната, которую нам выделили, находилась в старом служебном секторе. Одна. Не две. Я посмотрела на две узкие койки вдоль разных стен. Потом на женщину, которая нас привела. Она посмотрела на меня.

— Других свободных нет.

— Конечно.

— Если хотите, Денис может...

— Не надо, — сказали мы одновременно.

Женщина ушла. Дверь закрылась. Несколько секунд мы молчали. В комнате стоял стол, две койки, металлический шкаф и лампа под потолком. Никаких окон. Никаких людей. Впервые с момента встречи мы остались действительно одни. Я положила пиджак на стул. Денис снял чужую форму и повесил на край кровати.

Потом сел.

Я продолжала стоять.

— Даже не предлагай.

Он поднял глаза.

— Что именно?

— Я вижу твоё лицо. Ты уже что-то придумал.

— Не обязательно всё, что я думаю, тебе не понравится.

— За последнее время статистика против тебя.

Он провёл ладонью по затылку.

— Нам нужны документы. Маршрут. Связь с Ксилоном. Они могут дать всё три. Поэтому я предлагаю следующие два дня не пытаться разрушить этот город до основания только потому, что тебе не нравится собственный портрет на стене.

Я медленно повернулась.

— Портрет?

— Образ. Легенда. Называй как хочешь.

— Ты предлагаешь принять её.

— Нет. Предлагаю перестать тратить силы на людей, которых сейчас всё равно не переубедить.

Я подошла ближе к столу.

— Это называется пользоваться ложью.

Денис поднялся. Не резко. Просто понял, что разговор будет длинным.

— Если ты выйдешь сейчас в главный коридор и скажешь всем, что никакой героини не существует, что произойдёт?

— По крайней мере, я скажу правду.

— Я спросил не о твоей совести. Что произойдёт с ними?

Я нахмурилась.

— Не знаю.

— Ничего. Часть решит, что ты скромничаешь. Часть — что тебя сломали. Кто-то скажет, что Порядок распространил ложь. Кто-то вообще не поверит, что это ты. А завтра твоя история продолжит существовать без тебя.

— Значит, надо исправлять её дольше.

— Возможно. Но сейчас у нас нет «дольше». Нам нужно в Ксилон.

Я отошла от стола.

— Очень удобно. Временно закрыть глаза, получить нужное, уйти, а там разберёмся.

— Да.

Я развернулась.

— Ты даже не пытаешься сделать это красивее.

— Потому что не считаю нужным. Нам нужны их ресурсы. Им полезно наше присутствие. Это обмен.

— Только они думают, что мы пришли вести их к победе.

Денис покачал головой.

— Руководство так не думает. Сергей прекрасно понимает, зачем мы здесь. Люди в коридоре — другое дело.

— Для них мы не «другое дело». Именно на их вере всё это держится.

Он помолчал.

— Хорошо. Тогда сформулируй, что именно ты считаешь правильным. Отказаться от документов? От маршрута? Пойти до Ксилона пешком через военные посты, чтобы никто случайно не решил, что Деметра Князевская воспользовалась своим статусом?

Я почувствовала, как внутри поднимается злость. Не потому, что он издевался. Потому что вопрос был честным.

— Не передёргивай.

— Я не передёргиваю. Мне действительно нужен вариант. Не ощущение, что всё плохо. Конкретное действие.

Я провела рукой по волосам.

— Можно взять помощь, не соглашаясь на их легенду.

— Мы именно это и делаем.

— Нет. Ты предлагаешь перестать возражать.

— На два дня.

— Молчание тоже будет ответом.

Денис чуть склонил голову.

— Для кого?

— Для людей снаружи.

— Они уже получили ответ. Причём независимо от нас.

— И тебя это не беспокоит?

— Беспокоит. Но я научился отличать то, что меня беспокоит, от того, что я могу изменить прямо сейчас.

Вот эта фраза задела сильнее, чем должна была.

— Конечно. Ты всегда умел приспосабливаться.

Он замер. Совсем немного. Я заметила. Поздно.

— Что это должно означать?

— Ровно то, что сказала. Ты можешь жить внутри любой системы, пока находишь способ оставить себе кусок свободы. У тебя это почти талант. Соппротивление врёт — уйдёшь. Военные ищут — наденешь их форму. Нужно получить документы — станешь героем на два дня. А потом снова объяснишь себе, что просто использовал обстоятельства.

Денис долго смотрел на меня. Не улыбался.

— А ты, наоборот, очень любишь обстоятельства, которые позволяют красиво сказать «нет».

— Что?

Он подошёл ближе, но остановился с другой стороны стола.

— Ты слышала. Если выбор выглядит грязным, ты начинаешь искать вариант, в котором останешься полностью права. Даже если этого варианта нет. Иногда приспособиться — не значит капитулировать. Иногда это значит дожить до момента, когда вообще появится возможность что-то изменить.

— А иногда именно так люди постепенно перестают замечать, что делают то же самое, против чего боролись.

— Да. Поэтому думать надо каждый раз. Не запрещать себе инструмент навсегда только потому, что им можно злоупотребить.

— И где твоя граница?

— Там, где я начинаю решать за другого человека, что ему лучше, не оставляя ему выхода.

Я рассмеялась. Не весело.

— Мы собираемся использовать веру сотен людей, не объясняя им, что их герои вообще не собираются выполнять обещанную им роль.

— Какое обещание ты им дала?

— Никакого.

— Именно.

— Они думают иначе!

Денис впервые повысил голос. Не сильно. Но достаточно.

— Потому что кто-то другой его придумал! Не ты. Не я. И вот здесь ты всё ещё пытаешься взять ответственность за то, что другие люди сделали с твоей историей.

Я замолчала. Он продолжил уже спокойнее:

— Ты не можешь контролировать, кем тебя назовут. Террористкой. Героем. Дочерью Суры. Сосудом. Символом. Всё это уже произошло. Ты можешь только решить, что сделаешь сама, когда эти слова начнут от тебя чего-то требовать.

Комната стала слишком маленькой. Я отвернулась. Провела пальцем по холодному металлическому шкафу. Несколько секунд слышно было только вентиляцию. Я смотрела на стену.

— Ты не понимаешь, что меня бесит.

— Возможно. Объясни.

Вот. Нормальный вопрос. Без защиты. Поэтому пришлось отвечать.

— Всю первую половину моей жизни люди вокруг меня знали, что мне делать. Потом появился Свят. Потом Сура. Соппротивление. Арьяварта. Военные. У каждого был план, в котором я прекрасно помещалась, если не задавала лишних вопросов. И теперь я прихожу сюда, а оказывается, даже когда меня вообще не было, кто-то снова успел придумать мою роль. Только на этот раз она хорошая. Правильная. Люди улыбаются, когда её произносят. И именно поэтому от неё ещё труднее отказаться.

Денис больше не спорил. Я повернулась к нему.

— Ты видел эту девочку.

— Да.

— Она верит, что я что-то для неё доказала. Если я приму всё это ради документов, а потом просто уйду в Ксилон, что это будет?

Он ответил не сразу.

— Не знаю.

Это остановило меня сильнее готового аргумента.

— Не знаешь?

— Нет. Ты хочешь от меня правильного ответа. У меня его нет. Возможно, это будет использование. Возможно, нет. Возможно, через неделю этим людям станет хуже независимо от того, что мы скажем сегодня. Я знаю только одно: если мы останемся здесь доказывать собственную моральную чистоту, Ирма, Данила и Антон не станут от этого ближе.

Я опёрлась бедром о стол.

— Ты всё сводишь к результату.

— Нет. Я просто считаю результат частью морали. Если действие выглядит красиво, но никому не помогает, его красота меня мало утешает.

— Сура сказала бы почти то же самое.

Он вздрогнул. Попала. Слишком точно. Несколько секунд Денис молчал. Потом медленно кивнул.

— Да.

Я не ожидала.

— Что?

— Сура действительно могла бы сказать что-то похожее. Разница не в самой мысли. Разница в том, что она заранее считала свой результат важнее чужого согласия.

Он подошёл к столу. Теперь между нами оставалось меньше метра.

— Я не предлагаю никого заставлять. Не предлагаю рассказывать новые сказки. Не предлагаю выходить на сцену и обещать людям победу. Я предлагаю взять документы, которые они сами хотят нам дать, использовать маршрут и уйти к нашим. Если для тебя это уже превращает нас в Суру, значит, у нас очень разное представление о ней.

— Не передёргивай.

— Тогда не сравнивай меня с ней только потому, что тебе не нравится мой ответ.

Я почувствовала, как вспыхнуло лицо.

— Я тебя с ней не сравнивала.

— Только что сравнила.

— Я сравнила логику.

— Очень удобно.

Теперь уже он использовал моё слово. Я шагнула ближе.

— Не начинай играть со мной в формулировки.

— Я не играю. Ты злишься на людей снаружи, потому что они забрали у тебя право определять себя. Потом злишься на меня, потому что я не могу вернуть тебе это право одним правильным решением.

— Я на тебя злюсь вообще по множеству причин. Не переоценивай свою уникальность.

Уголок его губ дрогнул.

— Вот это уже ближе к правде.

— И перестань улыбаться, когда мы ругаемся.

— Почему?

— Потому что бесит. - Я ткнула его пальцем в грудь. — Ты иногда удивительно плохо чувствуешь момент.

Денис посмотрел на мою руку. Потом на меня. Улыбка исчезла.

— Нет, Дема. Иногда я чувствую его слишком хорошо.

Что-то изменилось. Не резко. Просто разговор вдруг перестал помещаться в слова. Я убрала руку. Или собиралась убрать. Он перехватил пальцы. Не сжал. Просто удержал. Я посмотрела на наши руки.

— Не пытайся закончить спор таким способом.

— Я ничего не пытаюсь закончить.

— Хорошо.

— Мы всё ещё не согласны.

— Очень.

— Завтра тоже будем.

— Надеюсь.

Он отпустил мою руку. И почему-то именно после этого стало труднее дышать. Я сделала шаг назад. До кровати. Денис остался возле стола. Между нами снова появилось расстояние. Правильное. Безопасное. Мне оно не понравилось.

— Я месяц не знала, жив ли ты, — сказала я.

Голос прозвучал тише, чем хотелось. Денис опустил взгляд.

— Я знаю.

— Нет. Не знаешь. Потому что ты тоже не знал, жива ли я, и это не одно и то же.

Он посмотрел на меня. Я продолжила:

— Я очнулась у человека, имени которого до сих пор не знаю. Через двадцать семь дней. И первой нормальной мыслью было, что за эти двадцать семь дней ты мог успеть умереть несколько раз. Потом я увидела ориентировку и обрадовалась тому, что тебя разыскивают. Представляешь уровень?

Денис сжал край стола.

— Я первые дни искал тебя везде, где мог. Потом начал спрашивать у Сопротивления. Потом у людей, которые работали на Порядок. Потом просто ждал новых списков погибших. У меня внутри что-то сжалось.

— И?

— Каждый раз, когда твоего имени там не было, становилось легче примерно на час.

Он сказал это совершенно спокойно. От этого было хуже. Я опустила глаза. Он тихо выдохнул. Почти смех. Но не стал превращать момент в шутку. Спасибо. Я подошла к нему сама. Не вплотную. Остановилась.

— И вот теперь мы стоим здесь и спорим о том, имеем ли право использовать людей, которые верят, что мы способны спасти их.

— Да.

— Ненавижу нашу жизнь.

— Иногда взаимно.

Я посмотрела на него.

— Ты понимаешь, что это была плохая реплика?

— Очень. Но уже поздно.

Я всё-таки улыбнулась. Совсем немного. Он поднял руку. Не коснулся. Остановил пальцы рядом с моей щекой. Ждал. Я могла отойти. Не отошла. Тогда он медленно провёл большим пальцем по коже. На пальце осталась грязь. Та самая, которой я измазала лицо несколько часов назад. Денис посмотрел на неё.

— Ты всё ещё наполовину стена.

— Очень смешно.

Он стёр ещё одну полоску возле виска.

— Я серьёзно. Сейчас проверю, где заканчивается штукатурка.

— Риски.

Его ладонь задержалась у моей щеки. Я подняла глаза. Спор никуда не исчез. Документы. Люди наверху. Ксилон. Сопротивление. Все аргументы по-прежнему стояли между нами. Но под ними было ещё что-то. Месяц. Ориентировки. Списки погибших. Переулок. Шлем на мостовой.

«Как же я по этому скучал».

Я первой сократила расстояние. Денис замер всего на мгновение. Потом поцеловал меня в ответ. Совсем не так, как раньше. Не чтобы вывести из транса. Не перед взрывом. Не потому, что времени почти не осталось и никто не знает, будет ли другое.

Хотя, если подумать, последний пункт никуда не делся.

Его руки легли мне на талию. Я потянула его ближе. Стол оказался на пути. Кто-то задел его бедром. Лампа качнулась. Мы оторвались друг от друга одновременно. Денис посмотрел на стол. Потом на меня.

— Это был ты.

— Конечно.

— Врёшь.

— В данный момент мне совершенно неинтересно доказывать невиновность.

Я снова поцеловала его. На этот раз разговор закончился сам. Не спор. Только разговор.

Где-то за стеной продолжали ходить люди. Кто-то спорил о дежурстве. Работала вентиляция. В городе наверху нас искали. В городе под ним в нас верили. А здесь, в комнате размером чуть больше хорошей кладовки, впервые за месяц никому от нас ничего не было нужно. Кроме нас самих.

Чужая военная рубашка первой оказалась на полу. Потом лампа погасла.

Утром мы собирались снова спорить.

Но до утра ещё оставалось несколько часов.

Глава VI

Отвратительно живой

Проснулась я оттого, что у меня затекла рука.

Несколько секунд лежала с закрытыми глазами, пытаюсь понять, где именно нахожусь, и почему левая половина тела решила объявить независимость.

Потом вспомнила. Подземный Джинох. Соппротивление. Комната. Денис. Ночь. Очень содержательная политическая дискуссия. Я открыла глаза.

С потолка смотрела знакомая лампа. Сейчас она была включена на минимальную яркость и выглядела куда невиннее, чем несколько часов назад.

Денис спал на боку ко мне спиной. По крайней мере, одна проблема решилась сама: не нужно было сразу смотреть друг другу в глаза.

Я осторожно высвободила руку.

Он пошевелился. Замер. Потом, не поворачиваясь, сказал:

— Если ты пытаешься сбежать, должен предупредить: дверь справа.

Я села.

— Я пытаюсь вернуть кровообращение.

— Тоже разумно.

Вот теперь он повернулся. Несколько секунд мы просто смотрели друг на друга. Неловкость оказалась не страшной. Лёгкой. Почти смешной.

Не потому, что я сожалела о произошедшем. Как раз наоборот.

Проблема была в другом: ночью мы очень эффектно прервали спор, но ни один из аргументов не исчез вместе с одеждой.

И теперь где-то между «доброе утро» и поиском ботинок следовало решить, продолжаем ли мы вчерашнюю дискуссию о моральной допустимости использования человеческой надежды.

Очень нормальные отношения.

— Доброе утро, — сказал Денис.

— Доброе.

Он сел, провёл ладонью по волосам и посмотрел на меня слишком задумчиво. Я прищурилась.

— Даже не думай.

— Я ещё ничего не сказал.

— Но собираешься.

— Просто хотел заметить, что ночью мои аргументы, кажется, стали значительно убедительнее.

Я смотрела на него секунды три. Потом всё-таки рассмеялась. Не выдержала. Денис тоже улыбнулся.

— Если сейчас не заткнёшься, я тебя ударю.

— Это будет новая часть дискуссии?

— Очень содержательная. С практической демонстрацией позиции.

— Тогда молчу.

Он поднял руки.

Я ещё несколько секунд улыбалась, потом покачала головой и начала искать рубашку.

Вот. Уже легче. Никакой великой неловкости. Всего лишь два человека, которые ночью переспали, а утром всё ещё не решили, допустимо ли использовать революционную мифологию в личных целях.

Бывает.

Одевались молча. Не потому, что разговаривать было не о чем. Скорее наоборот. Слишком много тем толкались у двери. Денис первым уступил им место.

— Я думал о вчерашнем.

Я застегнула последнюю пуговицу.

— Очень плохое начало.

— Могу заменить на что-нибудь нейтральное. Например, обсудить погоду.

— Мы под землёй.

— Тогда особенно безопасная тема.

Я села на край кровати.

— Говори.

Он не стал шутить дальше. Сел напротив, на второй койке, опёрся локтями о колени.

— Я всё ещё считаю, что нам нужно принять их помощь и не устраивать войну с собственной легендой прямо сейчас. Но вчера я слишком легко говорил об этом как о технической задаче.

Я подняла взгляд.

— Это почти признание ошибки.

— Не привыкай.

— Поздно. Я уже записала дату.

Он усмехнулся, но быстро стал серьёзным.

— Я понимаю, почему тебя это так задевает.

— Потому что я не хочу быть их символом.

— Нет.

Ответ прозвучал спокойно. Не спором. Просто поправкой. Я нахмурилась. Денис немного помолчал.

— Ты всё время говоришь, что не хочешь этой роли. Но дело уже не только в этом. Ты боишься её.

Я почувствовала знакомое желание немедленно возразить. Не успела.

— Не потому что боишься ответственности, — продолжил он. — И не потому что тебе страшно, что придётся что-то решать. Это ты как раз делаешь постоянно, даже когда никто не просит. Ты боишься другого. Что они действительно поверят. А потом выяснится, что ты не собиралась становиться тем человеком, которого они ждали.

Я молчала. Очень неприятное свойство Дениса — периодически попадать точно туда, куда его никто не приглашал. Он посмотрел на меня.

— Я неправ?

— Я думаю.

— Это уже тревожный знак.

Вчера я бы, наверное, начала доказывать обратное. Сегодня не хотелось. Я вспомнила девочку. Рисунок.

«Мама сказала, вы не дали им сделать из вас то, что они хотели».

Потом женщину у стены.

«Значит, не зря держимся».

И то, как несколько сотен людей за несколько минут превратили моё появление в доказательство того, что всё ещё может закончиться хорошо.

— Да, — сказала я наконец. — Боюсь.

Денис не улыбнулся победно. За это получил мысленный плюс.

— Потому что я пришла сюда не за ними. Даже звучит мерзко, но это правда. Я пришла за тобой. Потом за дорогой к Ирме, Даниле и Антону. Я не шла спасать Джинох. Не собиралась становиться лицом революции. И теперь каждый раз, когда кто-то смотрит на меня так,

будто я должна оправдать всё, что они себе придумали, мне хочется либо сбежать, либо начать объяснять, что они выбрали неправильного человека.

— А потом ты видишь, что некоторым из них больше вообще не во что верить.

— Вот именно. - Я провела ладонью по лицу. — И становится ещё хуже. Потому что если бы это были просто фанатики с плакатами, я бы послала их и пошла дальше. Но там дети. Семьи. Люди, которые потеряли дома. Они не играют в революцию. Им действительно страшно. И если единственное, что помогает им утром встать с матраса, — история про меня и тебя, то разрушить её тоже кажется... не знаю.

— Жестоким.

— Да.

Слово мне не понравилось. Поэтому оно, наверное, было правильным.

Денис чуть откинулся назад.

— Вот этого я вчера не учёл.

— А я учла слишком сильно. — Я посмотрела на него. — Ты сейчас собирался сказать, что я опять пытаюсь отвечать за всех.

— Да.

Пауза получилась спокойной. Не напряжённой. Просто место, куда можно было положить мысль и не торопиться хватать следующую. Через стену кто-то прошёл по коридору. Послышался детский голос. Потом вода в трубах. Город под городом просыпался.

— В одном ты прав, — сказала я.

Денис мгновенно поднял брови.

— Повтори.

— Не заставляй меня передумать.

— Просто хочу убедиться, что это не остаточное действие вчерашнего вечера.

Я засмеялась снова.

— Ещё слово — и проверим, насколько быстро регенерирует разбитая губа.

— Она и так почти зажила.

— Значит, можно повторить.

Он разумно отступил. Я встала и прошлась по комнате.

— За два дня я не исправлю их историю. И бегать за каждым человеком, объясняя, что он неправильно понял мою жизнь, действительно бессмысленно. Нам нужны документы. Нам нужен маршрут. Нам нужен Ксилон. Если они готовы нам помочь, отказываться только потому, что часть людей считает меня героем, — глупость. Но. Я никому не буду врать.

Денис внимательно посмотрел.

— Хорошо.

— Не буду подтверждать то, чего не было. Не буду обещать победу. Не стану говорить, что вернулась, чтобы возглавить Сопротивление. И если мне зададут прямой вопрос — отвечу прямо.

— Это справедливо.

— Даже если им не понравится.

— Дема, я не предлагаю тебе становиться их пропагандистом.

— Вчера временами звучало именно так.

Он вздохнул.

— Вчера я пытался доказать свою правоту. Сегодня хочу, чтобы мы добрались до Ксилона и не возненавидели друг друга по дороге.

— Амбициозно.

— Я умею ставить большие цели.

Я подошла ближе.

— Значит, договорились?

Он кивнул.

— Принимаем то, что действительно нужно. Не врём. Не даём обещаний, которых не собираемся выполнять. И не пытаемся контролировать каждую чужую мысль о нас.

Последний пункт прозвучал подозрительно адресно.

— Это ты сейчас специально добавил.

— Конечно.

— Убери.

— Нет.

Я закатила глаза. Компромисс. Отвратительная вещь. Почему-то именно на нём чаще всего держится мир.

Сергей ждал нас в том же помещении с картами.

На этот раз там находились только он и седая женщина, имени которой я вчера так и не узнала. Она представилась сама.

— Лидия.

— Деметра.

Женщина посмотрела на меня с выражением, которое почти можно было назвать сухой насмешкой.

— Знаю.

Точно. Придётся привыкать. Денис сел рядом. Сергей развернул карту.

— Документы начали делать ночью. К завтрашнему вечеру будут готовы.

— Быстро, — сказала я.

— У нас большой опыт изготовления людей, которых официально не существует. Проблема в другом. После вчерашней тревоги Порядок усилил городские выходы. На двух постах уже стоят мобильные биосканеры. Север перекрыт почти полностью. Восточные маршруты проверяют транспорт выборочно, но чаще, чем раньше.

Денис наклонился над картой.

— Подземные выходы?

— Два обнаружили три дня назад. Один замуровали, у второго теперь пост.

— Канализация?

Лидия покачала головой.

— Частично перекрыта решётками. И после одного побега там поставили датчики движения.

Я посмотрела на Сергея.

— И вы всё равно вчера обещали вывести нас. Значит, вариант есть.

Они переглянулись. Мне это сразу не понравилось.

— Есть, — сказал Сергей.

— Почему вы оба выглядите так, будто сейчас предложите нам добровольно прыгнуть в работающий реактор?

— Потому что Денис в прошлый раз отреагировал примерно так же.

Я повернулась к нему.

— Ты знаешь?

— Нет. Видимо, просто очень хорошо представляю местный уровень решений.

Сергей сложил руки на столе.

— Из города регулярно вывозят тела.

Несколько секунд я ждала продолжения. Не дождалась.

— Тела кого? — Я все еще искренне надеялась, что ослышалась.

— Мёртвых.

Денис медленно повернул голову к Сергею.

— Спасибо. Без уточнения мы бы запутались.

Я прикрыла глаза.

— Продолжайте.

Сергей ткнул пальцем в южный сектор карты.

— Центральный морг сейчас перегружен. Часть умерших передают на кремацию за городской чертой. Других отвозят к старым муниципальным захоронениям. Из-за санитарных протоколов транспорт проверяют в основном по документам. Иногда открывают фургон, но полноценный досмотр проводят редко.

Я уже понимала. Не хотела. Но понимала.

— Вы предлагаете положить нас к трупам.

— Да.

Денис откинулся на спинку стула.

— Я всё-таки был слишком оптимистичен насчёт реактора.

Лидия впервые улыбнулась. Я посмотрела на них обоих.

— Нас будут проверять?

— Возможно.

— Значит, достаточно одного солдата, который решит посмотреть, почему один из покойников дышит.

— Поэтому обычная маскировка не подойдёт.

Пауза. Новая нехорошая деталь.

— Что значит «обычная»? — спросил Денис.

Сергей посмотрел на Лидию. Та ответила:

— У нас есть человек, который занимается этим маршрутом давно.

— Патологоанатом?

— В том числе.

— Мне не нравится «в том числе».

— После знакомства понравится ещё меньше.

Очень приятно.

— Кто?

Сергей перевернул лист на столе, будто имя требовало отдельной подготовки.

— Гизо.

Денис нахмурился.

— Слышал. Ничего хорошего нам это не сулит.

— Значит, информация достоверная.

Я посмотрела на обоих.

— Вы сейчас специально создаёте атмосферу?

Сергей поднялся.

— Пойдёмте. Лучше один раз увидеть.

— Обычно эта фраза заканчивается плохо.

— Здесь почти всё заканчивается плохо, — заметила Лидия.

Денис тихо сказал:

— Мне начинает нравиться эта женщина.

Морг находился ещё глубже. Я думала, что подземный город уже закончился. Нет. Оказалось, у него были подвалы.

Лестница спускалась в старый технический сектор, где температура заметно падала с каждым пролётом.

Воздух изменился тоже. Антисептик. Металл. Влага. И ещё что-то тяжёлое, сладковатое, почти незаметное. Я решила не определять. Организм поблагодарил. Сергей открыл дверь.

— Гизо?

Откуда-то из глубины помещения донёсся голос:

— Если живой — заходи. Если нет — положи у третьей стены.

Я остановилась. Денис тоже. Мы переглянулись.

— Можно передумать? — спросил он.

Внутри стояли металлические столы. Холодильные камеры занимали почти всю дальнюю стену. Некоторые ячейки были подписаны мелом. Возле одного из столов кто-то работал. Сначала я увидела только спину.

Потом человек повернулся.

И я поняла, почему Сергей не стал ничего объяснять заранее.

Гизо был эввой. После Архангела природа явно однажды посмотрела на человека, потом на слизняка и решила: зачем выбирать?

Кожа у него была серо-бежевой, влажной и блестящей, словно покрытой тонкой плёнкой воды. Шея почти отсутствовала, голова плавно переходила в широкие плечи. Тело выглядело мягким, будто привычная человеческая анатомия сохранилась только приблизительно. Пальцы — длинные, без ногтей, с полупрозрачными подушечками.

Глаза были совершенно человеческими. Карими. Уставшими. И насмешливыми. Вот это сочетание оказалось самым неприятным.

Он снял тонкий фартук и бросил на спинку стула.

— Наконец-то. — Посмотрел на меня. Потом на Дениса. — А я уже начал думать, что сегодня будут только настоящие.

Я почувствовала, как по спине прошли мурашки.

— Настоящие кто?

Гизо указал на холодильники.

— Клиенты.

Денис медленно повернулся ко мне.

— Мне уже не нравится.

Гизо услышал.

— Это хорошо. Люди, которым здесь нравится, обычно задерживаются надолго.

Я закрыла рот. Потому что организм вдруг решил, что завтракать сегодня не обязательно. Сергей подошёл к столу.

— Им нужно выйти завтра.

Гизо посмотрел на него так, будто ему сообщили чрезвычайно скучную вещь.

— Знаю. Уже подготовил два места.

— Места?

— В машине.

Он указал на боковую дверь.

— Там вчера привезли четверых. Сегодня, думаю, добавятся ещё. Обычно добавляются.

Я старалась не смотреть в указанную сторону. Денис, наоборот, посмотрел. Зря. Лицо у него изменилось. Немного. Но приятно было понимать, что страдаю не одна.

— Вы давно здесь работаете? — спросила я.

Гизо задумался.

— В морге?

— В Сопротивлении.

Он вытер руки полотенцем.

— Дольше большинства из тех, кто сейчас считает себя старшими.

Сергей вздохнул.

— Гизо был одним из первых.

— Не преувеличивай. Первый уже умер. Второй тоже. Третью посадили. Четвёртый оказался идиотом и попытался договориться с военными. Если считать только живых, тогда да, почти первый.

Он сказал это с таким тоном, будто перечислял продукты в кладовой. Я посмотрела на Сергея. Тот просто пожал плечами. Привык.

— Сколько лет? — спросил Денис.

Гизо посмотрел на него.

— Сопротивлению?

— Вам.

— Очень невежливо. Семьдесят два.

Я моргнула. Выглядел он совершенно вне возраста. Не молодым. Не старым. Просто слизняком. Гизо заметил мой взгляд.

— Хочешь спросить, почему морщин нет?

— Нет.

— Странно, обычно все хотят.

— Я очень стараюсь отличаться.

— Не получится. У вас с Сурой уже общая черта — чрезмерная известность.

Воздух в комнате резко стал холоднее. Сергей вмешался:

— Гизо. Не надо.

Гизо пожал плечами.

— Тогда о работе.

Спасибо. Наконец тема, которая наверняка окажется ещё хуже.

Он попросил нас подойти к металлическому столу. Я остановилась в двух шагах.

— Нет.

— Что «нет»?

— Я пока живая.

— Именно поэтому осмотр нужен сейчас. Потом будет поздно.

Денис посмотрел на стол.

— Формулировка очень успокаивает.

— Я старался.

Гизо указал на меня.

— Сначала ты.

— Почему?

— Ты тяжелее выглядишь.

Я возмутилась.

— В каком смысле?

Он посмотрел внимательнее.

— В эмоциональном.

Денис отвернулся. Плечи дрогнули.

— Я всё вижу.

— Я ничего не делаю.

— Ты ржёшь.

Гизо похлопал по столу влажной ладонью.

— Ложись.

Пришлось. Металл оказался ледяным. Я дёрнулась.

— Прекрасно.

Гизо взял небольшой прибор. Провёл вдоль шеи. Потом приложил пальцы к запястью. Я старалась не думать о том, что они были влажными. Не получилось.

— Пульс нормальный.

Он посветил мне в глаза.

— Зрачки.

— У меня их два.

— Пока.

Я резко повернула голову. Гизо улыбнулся. И вот это было самое страшное. У него действительно было чувство юмора. Просто человечество его не заслуживало.

— Я пошутил.

— Никогда больше так не делайте.

— Не обещаю.

Денис стоял у стены, скрестив руки.

— Теперь я понимаю, почему вас никто не убил за столько лет.

Гизо посмотрел на него.

— Пробовали. Я скользкий.

Тишина. Я закрыла глаза.

— Господи...

Гизо явно был доволен. Потом осматривали Дениса. Ему досталось не лучше.

— Разденься до пояса.

— Зачем?

— Хочу посмотреть старые повреждения.

— Они имеют отношение к побегу?

— Нет.

— Тогда зачем?

Гизо подумал.

— Любопытство.

Денис посмотрел на Сергея.

— Можно другого специалиста?

— Нет.

В итоге до пояса раздеваться не пришлось. Гизо ограничился шеей, пульсом, дыханием и несколькими вопросами. Потом отступил к раковине.

— Подойдут.

Я села.

— Куда?

— В мёртвые.

— Очень приятно получить квалификацию.

Гизо включил воду и начал мыть руки.

— Ваша проблема не в лицах. Оба известные, но мешки всё равно закрыты. Проблема в физиологии. Температура. Пульс. Дыхание. Если кто-то решит проверить датчиком — поймёт сразу.

Денис вернул куртку на место.

— И что вы предлагаете?

Гизо выключил воду. Несколько секунд капли стекали по его пальцам.

— Я.

Я посмотрела на него.

— Простите?

Он поднял ладони.

— Моя кожа выделяет токсин.

Ожидаемо. Почему-то.

— Смертельный? — спросил Денис.

— Зависит от дозы.

Очень хороший ответ. Я сразу почувствовала себя спокойнее. Нет.

— Для меня безопасный, — продолжил Гизо. — Для большинства людей вызывает резкое снижение метаболической активности. Пульс становится редким. Давление падает. Температура снижается. Дыхание поверхностное.

— Насколько поверхностное? — спросила я.

— Настолько, что человек без нормального оборудования может решить, что его нет.

— А человек с нормальным оборудованием?

— Тогда нужно надеяться, что ему платят недостаточно, чтобы проверять тщательно.

Сергей вмешался:

— На вывозе используют ручные сканеры. Этого достаточно.

Денис нахмурился.

— А сознание?

Гизо посмотрел на него.

— Сохраняется.

Мне не понравилось, насколько буднично это прозвучало.

— Полностью?

— Почти. Будет трудно двигаться. Тело станет тяжёлым. Мышцы реагируют медленно.

У некоторых появляется ощущение, что они заперты внутри собственного тела.

Я медленно вдохнула.

— Мы будем лежать среди трупов. Всё слышать. Чувствовать.

— В основном.

— И почти не сможем двигаться.

Гизо кивнул.

— Отлично усваиваешь.

Я посмотрела на Дениса.

— Я скучаю по канализации.

— Я по коричневому пиджаку.

Я ткнула в него пальцем.

— А что? Он спас тебе жизнь.

— И всё равно был отвратительный.

Гизо заинтересованно спросил:

— Что за пиджак?

— Не надо, — ответили мы одновременно.

Он пожал плечами.

Сергей ушёл почти сразу, сославшись на документы, маршруты, какие-то люди наверху, и вообще на все что угодно, чтобы уйти отсюда. Мы остались с Гизо. Зря. Он решил показать нам транспорт. За боковой дверью стоял медицинский фургон. Старый. Белый когда-то. Сейчас скорее серый.

Внутри — металлические направляющие и четыре закрытых мешка.

Я остановилась у дверей.

— Их обязательно было показывать?

— Нет.

— Тогда зачем?

Гизо посмотрел на меня.

— Чтобы потом не удивлялась.

— Я бы предпочла удивиться потом.

— Тогда было бы поздно.

Он открыл один из пустых отсеков.

— Вы будете здесь и здесь.

Денис заглянул.

— Тесно.

— Мёртвые редко жалуются на комфорт.

Я уже начала понимать закономерность. Любое предложение Гизо заканчивалось смертью.

— Сколько ехать? — спросила я.

— До первой точки — около сорока минут. Потом проверка. Потом ещё час.

— Два часа?

— Если повезёт.

— А если нет?

— Тогда мы с вами встретимся еще раз.

Он улыбнулся. Я решила больше не спрашивать. Гизо закрыл двери фургона.

— Перед поездкой получите средство. После возвращения нормальной температуры нужно будет много воды и еды. Может тошнить.

— Не может, а будет, — сказала я.

— Это пока психологическое.

Денис отошёл к стене.

— Есть риск не проснуться?

Гизо посмотрел на него серьёзно. Впервые.

— Есть.

Вот теперь стало действительно тихо.

— Насколько большой? — спросила я.

— Маленький, если дозу считать правильно. Я считаю правильно.

— А если организм отреагирует иначе?

— Тогда я ошибусь.

— Вы умеете успокаивать людей.

— Успокоение — не моя специальность. Обычно мои клиенты всегда спокойные.

Денис тихо произнёс:

— Это заметно.

Гизо снова улыбнулся. Я буквально ощутила, как волосы встают дыбом.

Мы вернулись в основной зал морга. Я уже думала, что хуже не будет.

Это была ошибка. Самая большая в моей жизни. Потому что все что случилось потом, будет преследовать меня в кошмарах до конца жизни.

Гизо достал из шкафа две маленькие металлические чашки. Поставил на стол. Потом поднял руки. Я сразу напряглась.

— Что вы собираетесь делать?

— Готовить препарат.

— Где он?

Гизо показал на себя. Мне стало нехорошо заранее.

— Вы сказали, у вас токсин.

— Верно.

— Я почему-то представляла ампулу.

— Люди всегда представляют ампулу. Ампула успокаивает.

Он провёл большим пальцем по ладони. Кожа блеснула сильнее. На поверхности выступила густая прозрачная влага. Я замерла. Денис тоже.

Гизо медленно собрал её краем металлической пластинки. Потом стряхнул в чашку. Секунда. Ещё одна порция. Тягучая. Почти бесцветная.

Я почувствовала, как желудок наконец официально подаёт заявление об увольнении.

— Вы это сейчас...

— Собираю.

— С себя.

— Было бы странно, если с тебя.

Денис отвернулся и прикрыл рот кулаком. Я посмотрела на него.

— Тебе тоже плохо?

— Нет.

— Врёшь.

— Очень.

Гизо продолжал спокойно работать.

— Свежий действует лучше. Через несколько часов свойства меняются.

— Я не спрашивала.

— Но информация полезная.

Он собрал ещё немного. В первой чашке образовался тонкий слой прозрачной жидкости. Потом во второй. Гизо взял обе. Повернулся к нам.

— Этого хватит.

Я посмотрела на чашки. Потом на его руки. Потом снова на чашки.

— И что дальше?

Гизо протянул одну мне. Вторую — Денису.

— Выпить.

Я не взяла. Денис тоже. Гизо терпеливо ждал.

— Вы хотите сказать, — медленно произнесла я, — что единственный способ выбраться из Джиниха — лечь среди мёртвых, предварительно выпив слизь с ваших рук.

— Если так сформулировать, звучит неприятно.

Я посмотрела на него.

— А как это звучит в вашей формулировке?

Гизо задумался.

— Патентованный физиологический депрессант натурального происхождения.

Денис закрыл глаза. Я посмотрела на чашку. Потом на Гизо. Потом на Дениса.

Канализация внезапно стала тёплым воспоминанием.

Глава VII

В царстве мёртвых

Никогда больше я не хотела вспоминать следующие события.

Даже потом, когда прошло достаточно времени, чтобы большинство пережитого перестало приходить во сне, я могла спокойно думать о Новом Свете, о Суре, о Святе, о крови, выстрелах, заражённых городах и людях, которые пытались меня убить.

Но не об этом.

Память вообще странно выбирает, что оставить человеку.

Иногда самое страшное — не то, где ты чуть не умер.

А то, где тебе пришлось очень долго чувствовать себя мёртвым.

Гизо всё ещё держал чашки.

Я всё ещё надеялась, что за последние несколько секунд кто-нибудь успел придумать другой способ выбраться из Джиниха.

Например, тоннель. Военную форму. Канализацию. Катапульту. Что угодно. Ничего не придумали.

Пришлось взять. Металл был холодным. Внутри медленно колыхалась почти прозрачная густая масса. Я смотрела на неё слишком долго. Потом на Дениса. Он выглядел примерно так, как я себя чувствовала.

Землисто-серый. Ни следа привычной улыбки. Вот это окончательно убило надежду на чудо.

Гизо тем временем совершенно спокойно вытирал руки полотенцем.

— Сразу ничего не почувствуете. Первые изменения через час-полтора. Полный эффект позже. Всё это время останетесь здесь. Я должен следить за реакцией.

Я подняла глаза.

— Несколько часов?

— Обычно.

Обычно. Прекрасное слово. Всегда успокаивает, когда собираешься выпить чужую кожную слизь. Я снова посмотрела на Дениса. Он на меня.

Хотелось сказать что-нибудь.

Любое.

Что-нибудь привычное.

Чтобы ситуация хотя бы немного вернулась в мир, где можно посмеяться и перестать думать о содержимом чашки.

Я подняла её.

— На брудершафт?

Денис посмотрел на меня. Несколько секунд.

— Не могу.

Я тоже не смогла рассмеяться. Вот тогда мне впервые стало по-настоящему страшно. Мы всегда шутили. Когда бежали. Когда прятались. Когда кто-то умирал. Когда сами могли умереть. Юмор был маленькой щелью, через которую в происходящее всё ещё проникал нормальный мир.

А сейчас её не осталось.

Я поднесла чашку ко рту. Запаха почти не было. Закрыла глаза. Выпила. На вкус — ничего. Совсем. Ни горечи. Ни соли. Ни кислоты. Мозг ждал хотя бы чего-нибудь, чтобы понять, какую реакцию выбрать. Не получил.

Зато консистенция компенсировала всё. Жидкость была слишком густой, чтобы называться жидкостью. Мягкая. Тягучая.

Она медленно скользнула по языку, собралась у горла, и на мгновение мне показалось, что организм просто отказывается её глотать.

Пришлось сделать это сознательно. Один раз. Потом второй. Я ощущала её движение. Не образно. Физически. Чувствовала, как вязкая масса проходит ниже. Медленно. Слишком медленно. Будто оставляет след внутри. Я сглотнула снова, пытаясь избавиться от ощущения. Стало хуже.

Теперь казалось, что я сама протолкнула Гизо глубже в собственный организм.

Я резко поставила чашку на стол.

Денис сидел рядом, смотрел прямо перед собой и держал свою так, будто ещё надеялся договориться с ней.

Потом выпил. Лицо у него почти не изменилось. Только веки закрылись на пару секунд дольше обычного.

Гизо забрал чашки.

— Молодцы.

Я посмотрела на него.

Если бы взгляд мог убивать, в морге появилось бы дополнительное рабочее место.

— Теперь ждать.

Он показал на старый диван у стены.

Мы сели.

Первые полчаса ничего не происходило. Потом ещё полчаса. Я начала подозревать, что мы зря переживали. Организм чувствовал себя нормально.

Настолько нормально, что в какой-то момент появилось желание встать и проверить, не обманул ли нас Гизо.

Не обманул. Он время от времени подходил. Проверял пульс. Смотрел зрачки. Касался шеи. Записывал показатели на планшет. Потом возвращался к своим делам. Спокойно. Буднично. Через час мне стало скучно. Через полтора захотелось воды. Через два я заметила, что чашка на столе стоит слишком далеко. Хотя находилась всего в метре. Я потянулась. Рука поднялась. Но как-то не так. Медленнее. Тяжелее. Будто между решением и движением появилось несколько лишних секунд.

Я замерла.

Посмотрела на пальцы. Сжала. Разжала. Работают. Только неохотно. Денис рядом тоже пошевелил кистью. Посмотрел на неё. Потом на меня. Началось.

Гизо подошёл сам. Измерил пульс. Кивнул. Словно всё шло прекрасно.

Для него, вероятно, так и было.

Ещё через час тяжесть стала другой. Не усталостью. Не слабостью. Весом. Каждый сустав будто заполнили свинцом. Чтобы изменить положение ноги, приходилось сначала подумать об этом. Потом приказать мышцам. Потом подождать. И только после этого ступня сдвигалась на несколько сантиметров.

Никогда раньше я не замечала, сколько движений человек совершает автоматически. Поправить волосы. Провести языком по губе. Почесать щёку. Сменить положение плеча. Ответить взгляд. Всё это было настолько естественным, что мозг даже не считал действиями.

Теперь каждое требовало решения. И усилия. Я попробовала поднять руку. Подняла. Медленно. Опустила. Потом повторила. Второй раз было тяжелее. Денис уже не сидел прямо. Сполз чуть ниже по дивану, прислонив голову к стене. Кожа побледнела. Пока просто бледная. Пока живой. Гизо проверил нас ещё раз. Снова удовлетворённо кивнул. Я начала его ненавидеть.

Совершенно несправедливо.

Но очень искренне.

Время стало вязким. Сколько прошло потом — час? Два? Я перестала понимать. Часы висели на противоположной стене, но поворачивать голову становилось слишком тяжело.

Можно было двигать глазами. Пока. Я следила за секундной стрелкой. Несколько минут. Потом потеряла. Снова нашла. Потеряла. В какой-то момент поняла, что правая рука лежит рядом на диване. Я её видела. Пальцы. Костяшки. Но ощущала странно. Словно это была не часть тела, а предмет, оставленный рядом. Я попыталась пошевелить указательным пальцем. Ничего. Ещё раз. Через несколько секунд он дёрнулся.

Паника появилась впервые. Маленькая. Пока управляемая.

Я знала, что будет именно так. Гизо предупреждал. Это не смерть. Препарат. Временный эффект. Организм восстановится. Я повторяла всё это внутри. Разум соглашался. Тело — нет. Стало холодно. Сначала пальцам. Потом ступням. Потом холод начал медленно подниматься выше. В обычной ситуации человек дрожит. Мышцы сокращаются. Организм пытается согреться. Мой не пытался. Или не мог. Я ждала дрожи. Она не пришла.

Вот тогда страх стал другим.

Дыхание исчезало незаметно. Не переставало. Просто становилось настолько поверхностным, что я больше не чувствовала вдох. В какой-то момент решила проверить. Сосредоточилась. Вдох. Ничего. Ещё раз. Грудная клетка едва поднялась. Очень мало. Слишком мало. Воздуха не хватало. Я попыталась вдохнуть глубже. Не получилось. Сердце тут же должно было ускориться. Обычно оно именно так и делает. Паника. Адреналин. Удар. Ещё один. Но сердце билось медленно. Невыносимо медленно.

Я чувствовала каждый удар отдельно. Пауза. Удар. Пауза. Слишком длинная. Ещё. Вот оно. Самое мерзкое. Тело знало. Не словами. Не мыслями.

Где-то глубже.

В той части организма, которая существовала задолго до любых слов, законов, Нового Света и человеческой способности объяснять себе происходящее.

Тело получило сигнал: температура падает, дыхание исчезает, пульс замедляется, мышцы перестают отвечать.

Ты умираешь.

Я знала, что нет.

Оно — что да.

И доказать ему обратное оказалось невозможно. Страх взорвался сразу. Без постепенного нарастания. Хотелось вскочить. Я не могла. Хотелось глубоко вдохнуть. Не могла. Хотелось закричать. Язык лежал тяжёлым куском мяса. Горло почти не слушалось. Хотелось хотя бы сжать руки. Ничего. Сознание осталось совершенно ясным.

Именно это Гизо имел в виду. Не подарок. Наказание.

Потому что человек, который теряет сознание, не успевает долго бояться собственной смерти.

Я успевала.

Каждую секунду.

Я посмотрела на Дениса.

Зря.

Если до этого меня пугало собственное тело, теперь появился внешний ориентир. Мёртвый. Он сидел рядом. Голова слегка наклонена. Кожа стала серой. Не бледной. Именно серой. Губы потеряли цвет. Под глазами лежали тёмные тени. Грудь не двигалась. Я смотрела несколько секунд. Ни одного вдоха. Нет. Нет. Он жив. Я знаю. Гизо сказал. Препарат. Я попыталась увидеть движение. Хоть что-нибудь. Веко. Палец. Грудь. Ничего. Потом его глаза медленно повернулись ко мне. Я едва не закричала. Не потому, что он пошевелился. Потому что лицо осталось мёртвым. И только глаза были живыми. В них был такой же ужас. Вот тогда стало по-настоящему плохо.

Потому что Денис тоже смотрел на меня. Значит, видел то же. Моё серое лицо. Неподвижные губы. Тело без признаков жизни. Обычно можно посмотреть на другого человека и понять: всё нормально. Он рядом. Дышит. Жив. Теперь мы смотрели друг на друга и оба видели смерть. Я попыталась сдвинуть руку к нему. Она не двинулась.

Он тоже.

Ничего.

Даже прикоснуться невозможно.

Мы могли только смотреть.

И этого оказалось мало.

Гизо подошёл. Сначала ко мне. Проверил пульс. Потом к Денису. Поднёс прибор. Посмотрел показания.

— Отлично.

Я его ненавидела. Если бы могла говорить, сообщила бы. Он поправил положение моей головы. Мягко. Почти заботливо. Потом ушёл. Вернулся к работе. Вот это было хуже всего. Не потому, что он делал что-то страшное.

Потому что для него ничего страшного не происходило. Обычная смена.

Обычный морг. Два живых человека на диване временно выглядят как трупы. Показатели хорошие. Можно заниматься другими. Он открыл холодильную ячейку. Металл тихо скрипнул. Выдвинул каталку. Колёса застучали по стыкам пола. Я попыталась отвернуться. Не получилось. Голова не слушалась. Только глаза. Я увела взгляд насколько смогла. Стена. Холодиль-

ники всё равно оставались на периферии. Шорох ткани. Щелчок перчаток. Металлический инструмент лёг на лоток. Звон. Гизо что-то переставил. Вода. Снова металл. Я смотрела на кусок стены. На маленькую трещину между плитками. Долго. Очень долго. Потом почему-то глаза сами вернулись. Возможно, мышцы устали удерживать взгляд. Я увидела край стола. Белую ткань. Руку. Чужую. Неподвижную. Гизо прошёл через поле зрения. Закрыл собой тело. Потом снова отошёл. Я пыталась закрыть глаза.

Веки опустились не полностью. Маленькая щель осталась. Этого хватало. Почему человеческий организм не снабжён аварийной кнопкой выключения?

Очень полезная функция.

Не предусмотрели.

Время исчезло окончательно. Оно перестало двигаться. Существовали только звуки. Шорох. Металл. Вода. Холодильная дверца. Колёса. Шаги Гизо.

Редкие голоса в коридоре.

Моё сердце. Удар. Пауза. Удар. Пауза. Каждый раз я ждала следующего. Иногда пауза казалась слишком длинной. И тогда мысль возникала автоматически: всё.

Вот теперь всё.

Но сердце снова билось.

И приходилось продолжать.

Когда Гизо вернулся к нам, я сначала решила, что прошла вечность. Он посмотрел в глаза. Проверил пульс. Коснулся кожи на шее. Потом кивнул кому-то за дверью. Пришли двое мужчин. Я их раньше не видела. Один говорил что-то Гизо. Не разобрала. Слова доходили медленно. Будто сквозь воду. Потом меня подняли. Это оказалось отдельным ужасом.

Я не помогала. Вообще. Тело висело в чужих руках. Голова откинулась.

Мужчина поддержал. Я видела потолок. Лампы. Одну. Вторую. Третью. Они проплывали сверху.

Если бы не сознание, я ничем не отличалась бы от тех, кого Гизо катал по моргу. Меня положили на что-то мягкое. Пластик зашуршал возле уха. Мешок. Я поняла это до того, как увидела край.

Нет.

Я знала.

Знала, что будет.

Но знать — совсем не то же самое, что увидеть, как над твоим лицом соединяются две стороны чёрного материала. Свет сузился. Полоса. Щель. Точка. Темнота. Молния прошла рядом с головой. Тихий звук.

И всё.

Я оказалась внутри. Запах пластика. Антисептик. Что-то ещё. Сладковатое. Слишком знакомое после нескольких часов в морге. Я не хотела знать.

Не могла двигаться. Не могла открыть мешок. Не могла сказать, что мне страшно. Не могла даже убедиться, что Денис рядом. Только слышала.

Сначала шаги. Потом звук, с которым подняли тело. Меня. Удар о металлическую направляющую. Толчок. Колёса. Ещё один порог. Потом холодный воздух. Наверное, гараж. Голоса. Мужчины что-то обсуждали. Маршрут. Документы. Количество. Как будто я была количеством.

Потом меня подняли снова. Положили в машину. Слева что-то ударило о стенку. Мягко. Тупо. Тело. Настоящее. Я это знала. Рядом лежал мёртвый человек. Где-то ещё Денис. Возможно, через один отсек. Возможно, напротив. Я не знала.

И вдруг очень захотелось увидеть его серое мёртвое лицо. Потому что оно хотя бы было живым.

Двигатель завёлся.

Машина поехала.

Четыре часа. Мне сказали потом. Внутри фургона времени не было.

Сначала я пыталась считать повороты. Один. Два. Три. Потом потеряла. Начала сначала. Пять. Шесть. Толчок. Снова потеряла. Пыталась вспоминать Ксилон. Улицы. Совет. Ирму. Данилу. Антона. Представлять, что где-то впереди они существуют. Живые. Разговаривают. Ругаются. Не лежат в мешках. Не помогло.

Потом вспомнила отца. Сразу стало хуже. Попробовала Суру. Ещё хуже. Арьяварту. Совсем бесполезно. Сознание возвращалось к телу. Всегда.

Потому что тело продолжало сообщать одно и то же: ты умираешь.

Машина качнулась. Что-то рядом сдвинулось. Тупой удар. Через несколько секунд снова. Каждый поворот тело рядом медленно возвращалось к стенке. Удар. Пауза. Удар. Я начала ждать его.

Лучше бы не ждала.

Первый пост прошёл быстро. Машина остановилась. Голоса снаружи. Дверь водителя. Документы. Кто-то засмеялся. Мне захотелось его ненавидеть.

Как можно смеяться рядом с машиной, полной мёртвых? Потом поняла, насколько нелепая мысль. Живые смеются рядом с мёртвыми постоянно. Потому что иначе очень быстро перестают быть живыми сами.

Задние двери открылись. Воздух изменился. Холоднее. Чище. Кто-то заглянул внутрь. Я слышала шаг. Потом ещё один.

Пластик возле ноги едва заметно шевельнулся от чужого касания. Сердце должно было биться так, чтобы его слышал весь пост. Не билось. Редко. Медленно. И впервые это оказалось полезно.

Двери закрылись. Машина тронулась. Я почувствовала облегчение.

Мы прошли.

Потом вспомнила: второй пост.

Не знаю, сколько прошло. Может, час. Может, десять минут. Машина снова остановилась. На этот раз дольше. Голоса были другие. Ближе. Жёстче.

Двери открылись почти сразу. Кто-то вошёл внутрь. Пол прогнулся под весом. Шаг. Ещё. Мешок справа зашуршал. Кто-то его трогал. Потом молния. Очень медленно. Я услышала звук и поняла: открывают.

Не мой. Соседний. Несколько секунд тишины. Кто-то произнёс что-то о документах. Другой ответил. Молния закрылась. Шаги приблизились.

Ко мне.

Страх вспыхнул снова. И внезапно вместе с ним пришла совершенно неправильная мысль. Откройте. Пожалуйста. Откройте мой мешок. Увидьте глаза. Поймите. Вытащите меня. Арестуйте. Свяжите. Отвезите обратно. Пусть Небесный порядок. Пусть камера. Пусть что угодно. Только больше не лежать здесь.

Я впервые в жизни хотела, чтобы патруль меня нашёл. Нога человека остановилась рядом. Что-то коснулось мешка возле груди. Прибор. Наверное. Тихий сигнал. Пауза. Я ждала. Найдите. Ну же. Ещё один сигнал. Человек отошёл. Нет. Вернись. Шаг. Дальше. Следующий мешок. Я хотела закричать.

Не могла.

Сканер решил, что я мертва. И человек ему поверил. Никогда ещё успешная маскировка не ощущалась настолько плохо. Двери закрылись. Замок щёлкнул.

Машина поехала. Мы были свободны. Мне хотелось плакать.

Организм не позволил и этого.

После второго поста что-то внутри сломалось. Не буквально. Просто страх устал. Он больше не мог быть максимальным каждую секунду.

Осталась тяжёлая вязкая тревога. Холод. Темнота. Редкое дыхание. Толчки. Тело рядом. Удар. Поворот. Удар. Я перестала считать. Перестала пытаться вспоминать. Просто существовала. Если это вообще можно было так назвать.

В какой-то момент захотелось заснуть. Не получилось. Сознание не отпускало.

Наверное, токсин или страх.

А может, мозг просто решил, что человек, который умирает, не должен тратить последние минуты на сон.

Очень заботливо.

Когда машина наконец остановилась, я сначала не поверила.

Двигатель заглох. Тишина стала почти оглушительной. Потом двери открылись. Свет ударил даже сквозь закрытые веки. Меня вытащили. Не знаю, кто. Водитель. Ещё один человек. Пластик расстегнули. Воздух. Настоящий. Холодный лесной воздух. Он пах землёй. Травой. Корой. Я никогда в жизни не любила запах земли настолько сильно.

Мешок сняли. Свет был слишком ярким. Серое небо между деревьями. Ветки. Листья. Я смотрела вверх. Не могла повернуть голову. Меня подняли.

Посадили у ствола. Тело сразу начало заваливаться в сторону. Мужчина поправил. Подложил под плечо свёрнутую куртку. Потом рядом появился Денис. Его тоже усадили. Я смогла посмотреть. Почти. Глаза двигались лучше.

Он всё ещё выглядел ужасно. Серый. Холодный. Губы бледные. Но смотрел на меня. Живой. Отвратительно живой. Водитель сложил рядом наши вещи. Рюкзаки. Документы. Воду.

Показал рукой между деревьями.

— Ксилон там. До старой дороги километра три. Потом на восток.

Я слышала слова, но не могла ответить. Он, кажется, и не ждал.

— Через несколько часов должно отпустить. Воду сразу много не пейте.

Посмотрел на нас обоих.

— Удачи.

Потом ушёл. Двери фургона закрылись. Двигатель завёлся. Машина медленно скрылась между деревьями. Ещё какое-то время слышался мотор. Потом исчез. Тишина. Лес. Мы. Я попробовала пошевелить рукой. Палец едва дрогнул. Хорошо. Уже что-то. Где-то там был Ксилон.

Нужно было только встать.

Ни один из нас пока не мог.

Глава VIII

Стук сердца

Первым вернулся большой палец правой руки. Не вся рука. Не кисть. Даже не палец целиком.

Просто кончик большого пальца однажды послушался и сдвинулся по ткани брюк на несколько миллиметров.

Я смотрела на него так, будто только что собственными силами отрастила новую конечность.

Попробовала ещё раз. Медленно. Палец дрогнул. Получилось.

Рядом Денис сидел всё в той же позе, в которой его оставил водитель: спиной к соседнему дереву, голова чуть запрокинута, руки лежат вдоль тела. Цвет лица всё ещё не внушал оптимизма, но теперь я отчётливо видела, как поднимается грудь. Совсем немного.

Вдох. Пауза. Ещё один. Живой.

Я уже знала это.

Но после четырёх часов в фургоне знаниям доверялось значительно меньше, чем собственным глазам.

Попыталась повернуть голову. Шея сопротивлялась, словно всю ночь кто-то аккуратно заменял мышцы мокрым песком. Но движение получилось.

Денис заметил. Его глаза сместились ко мне. Потом пальцы правой руки тоже дрогнули. Не знаю, пытался ли он помахать. Вышло плохо.

Но я поняла. Если бы могла нормально улыбнуться, улыбнулась бы.

Вместо этого только чуть дёрнулся уголок губ. Наверное.

Мышцы лица пока существовали по своим правилам.

Примерно через час мы уже могли двигаться.

«Могли» — очень щедрое определение.

Я сумела подогнуть одну ногу, потом вторую. С первой попытки едва не завалилась набок, потому что тело ещё не вспомнило, что конечности должны работать согласованно. Денису было не лучше. Он попробовал сесть ровнее. Рука соскользнула по коре. Денис медленно осел обратно. Мы посмотрели друг на друга. Он попытался что-то сказать. Получился хрип.

— Не... надо, — выдавила я.

Мой собственный голос звучал так, будто несколько часов принадлежал другому человеку и только сейчас вернулся без инструкции.

Денис закрыл глаза. Кажется, согласился.

Через несколько минут я уже могла взять бутылку. Пальцы слушались плохо. Крышку удалось открутить только с третьей попытки. Водитель предупредил: пить понемногу.

Я сделала маленький глоток. Вода оказалась слишком холодной. Слишком настоящей. Я чувствовала, как она проходит по горлу.

После Гизо вообще не хотелось чувствовать, как что-либо проходит по горлу.

Сразу стало нехорошо. Сначала лёгкая тошнота. Потом желудок резко сжался. Я успела только отвернуться. Меня вырвало. Один раз. Второй. Третий.

Желудок давно был почти пуст, но организм явно не собирался принимать это как аргумент.

Я стояла на четвереньках, упираясь ладонью в землю, и пыталась вспомнить, за какие грехи заслужила настолько подробное знакомство с физиологией.

Рядом послышался такой же звук. Отлично. Значит, всё по плану. Никогда ещё мысль о том, что Дениса тоже рвёт, не приносила столько спокойствия.

Потом случилось странное. Спазм прошёл глубже. Я закашлялась, снова согнулась — и из горла вышло что-то плотное. На землю упал молочно-белый комок. Не жидкость. Не совсем слизь. Густой, почти однородный сгусток размером с пару пальцев.

Я замерла. Смотрела. Желудок попытался возмутиться ещё раз только от одного вида.

Гизо. Я поспешно отползла.

У Дениса через несколько секунд произошло то же самое. Он долго смотрел на собственный сгусток. Потом на мой. Потом на меня.

— Ни слова, — прохрипела я.

Он кивнул.

Правильное решение.

Облегчение пришло почти сразу.

Не постепенно.

Словно внутри действительно находилось что-то, удерживающее организм в полумёртвом состоянии, а теперь его наконец выдернули. Сначала стало легче держать голову. Потом исчезла свинцовая тяжесть из рук. Пальцы задвигались нормально. Я уже собиралась порадоваться, когда тело решило перейти к следующему этапу.

Меня бросило в жар. Так резко, что я схватилась за ворот рубашки. Ещё минуту назад кожа была холодной. Теперь казалось, будто кто-то разлил кипяток изнутри. Щёки загорелись. Ладони закололо тысячами иголок. Кровь возвращалась туда, где несколько часов почти не была нужна. И сердце.

Господи. Сердце. Первый сильный удар едва не заставил меня снова согнуться. Второй. Третий. Быстро. Слишком быстро после той кошмарной медленной паузы между ударами. Я прижала ладонь к груди.

Тук.

Тук.

Тук.

Обычный пульс. Чуть ускоренный. Прекрасный.

Самый красивый звук на свете, хотя слышала я его только внутри собственного тела.

Потом лёгкие вспомнили, для чего существуют. Я вдохнула. По-настоящему. Глубоко. И едва не вскрикнула. Грудь расправилась так резко, будто рёбра раздвинули руками. Воздух обжёг трахею, врезался в лёгкие и заполнил их до самого дна. Слишком много. Я закашлялась, голова закружилась. Снова вдохнула. Ещё. Каждый раз больно.

Каждый раз прекрасно.

Денис рядом тоже сидел, наклонившись вперёд, и хватал воздух короткими глубокими вдохами.

Мы выглядели как два человека, которые только что впервые обнаружили кислород.

Примерно так и было.

Через полчаса мы уже могли стоять. Не очень убедительно. Но могли.

Я вылила немного воды на ладонь и умыла лицо. Потом ещё. От кожи всё ещё будто пахло пластиком, антисептиком и моргом, хотя, возможно, это уже существовало только в голове.

Сняла верхнюю одежду. Вытряхнула. Проверила карманы. Документы на месте. Рисунок девочки тоже. Я достала сложенный листок. На секунду развернула. Рыжая фигура, тёмноволосая рядом. Снова сложила.

Не сейчас.

Денис тем временем пытался привести в порядок волосы, используя отражение в металлической фляге.

— Бесполезно, — сказала я.

Голос уже почти вернулся. Он посмотрел на меня.

— Я хотя бы стараюсь.

— Именно это и бесполезно.

— Очень приятно видеть, что токсин не повредил характер.

Я хотела ответить. Не стала. Потому что впервые нормально рассмотрела его.

Цвет лица почти вернулся. Губы уже не серые. Глаза живые. Дыхание глубокое. Он стоял. Сам.

И меня вдруг накрыло. Без предупреждения. Я сделала два шага и обняла его. Денис замер. Всего на секунду. Потом обхватил меня обеими руками. Сильно. Без шуток. Без вопросов. Я прижалась ухом к его груди. Сначала слышала дыхание. Потом нашла сердце.

Тук.

Пауза.

Тук.

Ещё.

Ровно.

Нормально.

Я закрыла глаза. Вот. Вот чего не хватало всё это время. Не увидеть, как движется грудь. Не почувствовать руку. Услышать. Стук сердца.

Денис немного изменил положение, и через секунду его подбородок лёг мне на макушку.

— Есть, — тихо сказал он.

Я не сразу поняла.

— Что?

— Сердце. У тебя тоже.

Я рассмеялась. Совсем тихо. Он тоже. Но не отстранился. Мы стояли так ещё долго.

Наверное, значительно дольше, чем требовалось для медицинского подтверждения жизненной способности.

Плевать.

— Прости меня.

Он сказал это первым. Я подняла голову. Денис смотрел куда-то мне за плечо. Руки всё ещё держали меня.

— За что именно?

— Если начну перечислять, до Ксилона сегодня точно не дойдём.

— Мы и так сегодня туда не идём.

Я чуть отстранилась, но не вышла из объятий.

— Говори нормально.

Он выдохнул.

— За то, что слишком часто решал, какой риск тебе можно принимать. За то, что скрывал вещи не только потому, что это было нужно делу, а потому что боялся, что, если расскажу всё, ты выберешь вариант, который мне не понравится.

Я смотрела на него. Денис продолжил:

— Я каждый раз находил очень разумное объяснение. Что информации мало. Что тебе лучше сначала узнать другое. Что сейчас не время. Иногда это даже было правдой. Но далеко не всегда всей правдой.

— Я знаю.

— Теперь я тоже.

В его голосе не было попытки получить прощение немедленно. Поэтому я не стала давать ему как награду.

— Ты меня этим ужасно бесил.

— В курсе.

— Иногда до сих пор бесишь. — Я опустила взгляд на его куртку. — Но, я тоже хороша. Денис приподнял бровь.

— Не спорю.

Я ударила его ладонью в грудь. Несильно. Сердце под рукой продолжало биться. Хорошо.

— Вот за это отдельно не прощу.

— Справедливо.

Я замолчала. Потом всё-таки сказала:

— Я слишком часто вела себя так, будто твоя жизнь принадлежит мне только потому, что мне будет больно, если с тобой что-нибудь случится.

Денис перестал улыбаться. Я продолжила, стараясь сформулировать точно.

— Когда ты рисковал, я злилась не только потому, что план был плохой. Я злилась, потому что ты мог умереть и оставить меня с последствиями. И временами получалось так, будто раз мне страшно тебя потерять, значит, я имею право запретить тебе выбирать что-то опасное.

— Дема...

— Нет, дослушай. После того фургона я очень хорошо поняла, насколько мне этого не хочется. Я несколько часов смотрела на тебя и думала, что ты выглядишь мёртвым. И если

бы могла в тот момент управлять тобой как куклой, наверняка заставила бы вообще никогда больше никуда не идти без моего разрешения.

Уголок его губ дёрнулся.

— Очень романтично.

— Я серьёзно.

Он осторожно коснулся моего затылка.

— Я понимаю.

— Но это было бы всё равно неправильно.

— Да.

Вот и всё. Никакой красивой победы. Никакого «теперь мы всегда будем делать правильно». Просто два человека, которым наконец удалось признать, что страх потерять другого не превращает контроль в заботу.

— Значит, — сказала я, — следующий раз, когда ты собираешься героически пожертвовать собой, сначала сообщай мне.

— А ты?

— Я не собираюсь героически жертвовать собой.

Он посмотрел. Молча. Очень выразительно.

— Ладно. Тоже сообщаю.

— Уже прогресс.

Я снова прижалась ухом к его груди. Сердце всё ещё было там.

Отлично.

До Ксилона в тот день мы не пошли. Это решение далось мне подозрительно легко. Наверное, человек всё-таки способен учиться.

Иногда.

Мы собрали вещи и углубились в лес. Место высадки оставалось слишком близко к дороге. Если военные когда-нибудь заинтересуются фургоном, водитель мог привести хвост случайно, даже не заметив.

Через пару километров нашли небольшую низину между деревьями. С одной стороны густые кусты. С другой старый поваленный ствол. Чуть дальше ручей. Не идеальный лагерь. Но достаточно скрытый.

Денис проверил землю. Я прошлась вокруг. Никаких свежих следов людей. Только животные.

Мы развели маленький костёр в углублении, чтобы свет не был виден далеко. На этот раз никто не спорил, кому первым отдыхать. Мы оба легли. И проспали несколько часов почти без движения. Нормальным сном. Без токсина. Без мешков. Без холодильных камер.

Когда я проснулась, первое, что сделала, — посмотрела на Дениса. Он лежал рядом. Дышал. Я почти рассмеялась над собой. Потом поняла, что он открыл один глаз.

— Проверяешь?

— Нет.

— Конечно.

— Спи.

Я бросила в него свернутой тканью.

Мир постепенно возвращался в норму.

Нашу разновидность нормы.

К вечеру мы чувствовали себя почти людьми. Голова ещё была тяжёлой. Мышцы ныли. После еды желудок долго решал, согласен ли продолжать сотрудничество. Но пульс оставался нормальным. Дыхание тоже. Костёр тихо потрескивал. Лес вокруг темнел. Где-то далеко кричала птица.

Денис сидел с другой стороны огня и рассматривал новые документы. В другое время я бы тоже занялась ими. Имена. Маршрут. Легенда. Ксилон. Всё важное.

Но в кармане лежал кулон. И я всё сильнее чувствовала его вес. Хотя весил он почти ничего.

Я знала об этом разговоре ещё в Новом Свете.

Тогда пришла к Денису после встречи с Арьявартой с головой, набитой погибшими планетами, динозаврами, Ренессансом, Сурой и несколькими вариантами конца человечества.

И ещё одной информацией. Про него. Я тогда даже сказала. Есть кое-что про тебя. Он спросил, изменит ли это что-нибудь в том, что мы должны сделать прямо сейчас. Нет. И Денис сам ответил: «Тогда потом».

Потом наступило.

Слишком поздно, но наступило.

— Денис.

Он поднял глаза от документов.

Наверное, что-то увидел по моему лицу, потому что сразу сложил бумаги.

— Что?

Я сунула руку в карман. Коснулась кулона.

— Помнишь наш разговор в галерее Нового Света?

Он некоторое время смотрел. Потом медленно кивнул.

— Про «есть кое-что про тебя».

— Да.

Денис отвёл взгляд к огню.

— Я надеялся, что ты забыла.

— Я тоже.

Он отложил документы окончательно. Сел удобнее. Несколько секунд никто не говорил. Я пыталась решить, с чего начать. Ни один вариант не звучал нормально.

— Помнишь женщину, о которой я рассказывала? Ту, чьё тело использует Арьяварта.

— Учёную.

— Да. Я тогда рассказала не всё.

Денис не торопил. Это помогало.

— Она не просто согласилась соединить своё существование с Арьявартой. У неё была причина.

Я провела большим пальцем по краю кулона.

— Она была беременна.

В лице Дениса пока ничего не изменилось.

— Её тело не могло сохранить беременность. Она знала, что ребёнок не выживет. Арьяварта могла помочь. Они договорились: женщина позволяет ей использовать своё тело, но сама не исчезает, а ребёнок получает шанс родиться.

Пауза.

— Родился?

— Да.

Он смотрел на меня. Я почувствовала, как сердце снова начинает биться чуть быстрее. Не токсин. Просто страх. Удивительно, как много мелочей мы не замечаем.

— Денис, этот ребёнок — ты.

Он не пошевелился. Вообще. Если бы не вчерашний день, я бы испугалась. Но сейчас видела пульс на шее. Слишком хорошо научилась замечать.

— Повтори, — сказал он наконец.

Не потому, что не услышал. Я поняла.

— Та женщина — твоя биологическая мать.

Денис посмотрел в огонь. Потом снова на меня.

— А мои родители?

Вот. Вот чего я боялась больше всего. Не космоса. Не столетий. Этого вопроса.

— Они твои родители.

Он нахмурился.

— Я серьёзно. Арьяварта именно так это воспринимает. Она не считает тебя своим сыном. Никогда не считала. И людей, которые тебя вырастили, не считает временными опекунами или случайной семьёй. Она искала их специально.

— Искала?

— Здесь начинается совсем ненормальная часть.

Денис тихо выдохнул.

— Потому что до этого было нормально?

Я невольно улыбнулась. Ненадолго.

— Твоя биологическая мать жила несколько сотен лет назад.

Он перестал улыбаться.

— Дема, мне двадцать...

— Знаю. Я ровно это и сказала Арьяварте.

— И?

— И оказалось, что хронологически ты существуешь значительно дольше. Но не жил всё это время.

Денис медленно провёл рукой по лицу.

— Объясни так, будто я очень устал.

— После рождения ты оставался младенцем. Арьяварта поддерживала тебя своей силой и почти остановила твоё биологическое время. Она не хотела передавать тебя первым попавшимся людям. Твоя мать доверила ей твою жизнь, и Арьяварта решила, что должна найти тех, кому сможет тебя отдать.

Он посмотрел на меня.

— Она несколько сотен лет выбирала мне родителей?

— Именно.

— У неё серьёзные проблемы с решительностью.

— Я ей примерно так и сказала.

Денис не рассмеялся. Но уголок губ дёрнулся. Потом снова исчез.

— И как я оказался у них?

Вот теперь становилось ещё хуже. И одновременно понятнее.

— Пространственный разрыв.

Он резко поднял глаза. Я кивнула.

— Она не могла сама прийти к их дому. Поэтому просто... сократила проблему расстояния.

— Через пространство.

— Да.

— Фиолетовый свет.

— Да.

Он посмотрел на собственную руку. Очень долго. Вокруг пальцев ничего не происходило. Обычная рука.

— Оттуда моя способность.

— Я думаю, да. Арьяварта тоже. Когда я описала ей, что ты делаешь с расстоянием и траекториями, она сразу поняла, кто ты можешь быть.

Денис всё ещё смотрел на пальцы.

— Я думал, это просто способность.

— Она и есть способность.

— Но от неё.

— Связана с ней. Это не одно и то же.

Он поднял взгляд. Я продолжила прежде, чем он успел придумать то, чего здесь не было.

— Никакого предназначения. Никакой миссии. Она не оставляла тебя здесь для чего-то. Не выбирала тебя будущим носителем, хранителем, наследником или ещё какой-нибудь красивой ерундой. Ты был ребёнком женщины, которой она обещала сохранить ребёнка. Всё.

Денис долго молчал.

— Это точно?

— Я специально спросила.

— И что она сказала?

— Что не считает тебя своим сыном. Твоя мать — та женщина. Арьяварта только не позволила тебе умереть.

Он медленно кивнул. Мне показалось, что именно эта фраза немного вернула ему почву. Но впереди оставалось самое важное.

— Она знает, что я жив?

— Твоя мать?

Денис кивнул. Он опустил глаза. Я сказала тише:

— Арьяварта показала ей тебя.

Пальцы Дениса сжались на колене.

— Когда?

— Когда я была там. После того как поняла, кто ты.

— И что она сказала?

Я вспомнила солнечный лес. Озеро. Мольберт. Женщину, которая повернулась ко мне и улыбнулась.

— Арьяварта сказала, что она долго плакала.

Денис замер. Вот. Космос. Сотни лет. Фиолетовое пространство. Невозможная биология. И всё это почему-то оказалось слабее одной женщины, которая плакала, потому что её ребёнок вырос.

Денис смотрел в огонь. Я не трогала его. Не потому, что боялась. Потому что это было его.

— Она... существует? — спросил он через некоторое время. — Внутри Арьяварты?

— Я не знаю, насколько слово «внутри» правильное. Они соединены, но не стали одним существом. Арьяварта показывала мне место, где она живёт. Лес. Озеро. Дом. Она рисует.

— Рисует?

— Воду.

Это почему-то вызвало у него почти невидимую улыбку.

— Почему воду?

— Не знаю. Я не спросила.

Денис кивнул. Правильно. Не всё нужно было спрашивать за него. Я достала кулон. Фиолетовая вставка поймала свет костра.

— Я могу рассказать только то, что узнала сама.

Он посмотрел на кулон.

— А дальше?

Я протянула ему.

— Дальше лучше спросить у неё.

Денис не взял сразу.

— Она может говорить через это?

— Когда хочет. Иногда ещё очень эффектно молчит, когда особенно нужен совет.

Он наконец взял кулон. Подержал на ладони.

— Ты говорила, она тебе нравится.

— После первого разговора — местами.

— А я сказал, что она мне нравится, хотя мы даже не знакомы.

— Было.

Денис посмотрел на меня.

— Очень неудачная формулировка с учётом обстоятельств.

На этот раз он тихо рассмеялся. Совсем немного. Потом стал серьёзным.

— Что мне делать?

— Не знаю.

Он поднял брови.

— Полезно.

— Именно это мне в ней и понравилось. Она хотя бы не требует заранее знать правильный ответ.

Я подвинулась ближе.

— Просто держи кулон. И если она ответит... дальше сам.

— Ты будешь рядом?

Вопрос прозвучал неожиданно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.